

Дневник Анны Франк

**Перевод с нидерландского
Риты Райт-Ковалёвой**

ΦΤΜ

Анна Франк

Дневник Анны Франк

«ФТМ»

1944

Франк А.

Дневник Анны Франк / А. Франк — «ФТМ», 1944

Эта книга не может оставить равнодушным никого. Отбросив нас на 75 лет назад в период нацистской оккупации Нидерландов, дневник Анны Франк повеждает о том, как несколько еврейских семей пытались выжить в тайном убежище, скрываясь от гестапо. День за днем еврейская девочка в своем дневнике рассказывает вымышленной ею подруге Китти всё, что происходит с ней и с другими обитателями убежища, записывая в него свои самые сокровенные мысли, горести и радости. Ее детская жизнь по воле взрослых быстро стала недетской, превратив дневник девочки в значимый документ и в обвинительный акт. Последняя запись в дневнике датирована 1 августа 1944 года, вскоре гестапо по доносу арестовало всех обитателей убежища. Судьба Анны и ее семьи трагична – все погибли в концлагере, лишь одному отцу девочки Отто Франку чудом удалось выжить, после освобождения из концлагеря вернуться в Нидерланды и найти дневник. В 1947 г. записи были изданы тиражом в 3000 экземпляров. Дневник 6 раз переиздавался и был переведен на 67 языков мира. В 2009 году дневник Анны Франк был признан объектом реестра «Память мира» ЮНЕСКО.

© Франк А., 1944

© ФТМ, 1944

Содержание

Предисловие	5
Предисловие к голландскому изданию	8
*****	11
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дневник Анны Франк

Предисловие

Судьба этой книги необычна. Она вышла в Голландии десять лет назад, переведена на семнадцать языков, разошлась в миллионах экземпляров. Из нее сделали пьесы, кинокартины; о ней писали исследования.

Это не роман прославленного писателя, это дневник тринадцатилетней девочки; но он потрясает читателя больше, чем мастерски написанные книги.

Всем известно, что гитлеровцы убили шесть миллионов евреев, граждан двадцати государств, богатых и нищих, знаменитых и неизвестных. Атомная бомба упала на Хиросиму внезапно, от нее нельзя было укрыться. Гитлеровцы в течение нескольких лет устраивали облавы на миллионы людей, как устраивают облавы на волков. Евреи пытались скрыться, прятались в ямах, в заброшенных шахтах, в щелях городов; дни, месяцы, годы они ждали расправы. Шесть миллионов были удушены в газовых камерах, расстреляны в ярах или на фортах, обречены на медленную смерть от голода. Они были отделены от мира стенами гетто, колючей проволокой концлагерей. Никто не знает, что они думали и чувствовали. За шесть миллионов говорит один голос – не мудреца, не поэта – обыкновенной девочки.

Анна Франк вела дневник, как это часто делают девочки ее возраста; в день рождения ей подарили толстую тетрадь, и она начала записывать события детской жизни. Детская жизнь по воле взрослых быстро стала недетской. Дневник девочки превратился и в человеческий документ большой значимости и в обвинительный акт.

Что видела Анна? Тесный чердак, где честные и смелые голландцы в течение двадцати пяти месяцев скрывали восемь обреченных: немецкого эмигранта Отто Франка, его жену, двух дочерей – Марго и Анну, чету ван Даан, их сына Петера, зубного врача Дусселя.

В пьесе Сартра «При закрытых дверях» ад оказывается обыкновенной комнатой, где навеки заперты трое грешников. Восемь человек жили в «убежище», пререкались, ссорились; они не были ни святыми, ни героями, они были самыми обыкновенными людьми; и Анна рассказывает день за днем об их жизни.

Отто Франк родился в Германии, учился в гимназии, потом в университете; в годы первой мировой войны был на фронте; его произвели в лейтенанты; он принял участие в одном из самых кровопролитных сражений возле французского города Камбре. Он говорит, что считал себя немцем; говорит также, что в молодости во Франкфурте, где он жил, ему не приходилось сталкиваться с антисемитизмом. Он думал, что его жизнь крепко налажена. Пришел к власти Гитлер, и все рухнуло как карточный домик. Отто Франку удалось выбраться в Голландию и перевезти туда свою семью. Девочки учились в голландской школе, дружили с голландскими детьми. Отто Франк понял, что ему нужно начать новую жизнь. Он ее строил, и снова все рухнуло: немецкая армия оккупировала Голландию.

Почему ярость фашистов обрушилась прежде всего на евреев? Об этом писали толстые книги, многословно объясняли и все же ничего не объяснили. Множество вековых предрассудков, легенды, похожие на скверные анекдоты, суеверия, возведенные в философскую систему, зависть, тупость, необходимость найти козла отпущения – все это сплелось в одну сеть, которая отрезала Анну от ее маленьких голландских подруг и шесть миллионов людей – от их соседей, соотечественников.

Нет в дневнике Анны ничего такого, чего не написала бы голландская, французская или итальянская девочка. На ее детское платье гитлеровцы нацепили шестиконечную звезду, и она приняла случившееся с глубоким непониманием, но и с глубоким достоинством.

Читая некоторые страницы дневника, улыбаешься, но тотчас улыбка исчезает: слишком ясен конец этой книги. Тринадцатилетняя девочка пишет, что даст книгу, которая ей понравилась, своим детям; рассказывает себе самой, как удивительна жизнь в романах – она, например, никогда не решилась бы остаться с чужим мужчиной... Это пишет ребенок, который растет на глазах, растет в подполье, замурованный. Вот ей уже пятнадцать лет, ей хочется кого-то полюбить, а в «убежище» мальчик Петер, и она внушает себе, что его любит.

В тюрьме, в концлагере люди выдерживали самые ужасные испытания, когда перед ними была цель, когда их увлекала хотя бы иллюзорная деятельность. Что может делать девочка в тринадцать лет? Учиться? Анна пыталась учиться. Играть? И Анна играла – она играла в писательницу. Она вела дневник, сочиняла рассказы, начала писать роман. Это ее приподымало и спасало: из всех игр она выбрала самую трудную, но, может быть, и самую человеческую игру.

Дочитав до конца дневник, читатель, конечно, спросит: «Что стало с Анной?» Эрнст Шнабель проверил документы архивов, разыскал очевидцев и в книге «По следам Анны Франк» рассказал о ее судьбе.

Последняя запись Анны помечена 1 августа 1944 года. Анна пытается понять душевные противоречия... А 4 августа утром в «убежище» ворвались гестаповцы. Скрывавшихся евреев и двух голландцев, обвиненных в укрывательстве евреев, отвезли в тюрьму. Евреев несколько дней спустя повезли в пересыльный лагерь Вестерборк. 3 сентября огромный транспорт евреев был отправлен оттуда в Освенцим. 30 октября Анну и Марго переправили в концлагерь Берген-Бельзен. Марго умерла от истощения в конце февраля 1945 года. Несколько дней спустя умерла Анна.

Мать Анны погибла в Освенциме. Дусселя убили в газовой камере. Петера убили. Умерли супруги ван Даан. Тяжело больного голландца Коопхойса вскоре выпустили. Крамера послали в лагерь Амерсфорт, а в марте 1945 года угнали в Германию; ему удалось скрыться.

Из восьми евреев, скрывавшихся на чердаке, выжил только Отто Франк. Советская Армия, заняв Освенцим, спасла немногих еще не убитых. Отто Франк вокруг Европы – через Одессу и Марсель – вернулся в Голландию, но не нашел никого из близких. Он нашел только дневник Анны...

Гестаповцы искали ценности; ученические тетрадки их не интересовали. Дневник подобрали голландки Элли и Мип.

Хочется к этим сухим справкам добавить два человеческих рассказа.

Де Вик, которая была в пересыльном лагере Вестерборк, рассказывает: «Я видела Анну Франк и Петера ван Даана каждый день. Они были всегда вместе... Глаза Анны сияли... У нее были такие свободные движения, такой прямой и открытый взгляд, что я говорила себе: «Да ведь она счастлива здесь...»

Анна писала в своем дневнике о школьной подруге: «Вчера вечером, когда я уже засыпала, я вдруг явственно увидела Лиз. Она стояла передо мной – оборванная, изнуренная, щеки ввалились. Ее большие глаза были обращены ко мне с укором, словно она хотела сказать: «Анна, зачем ты меня бросила? Помоги же мне! Выведи меня из этого ада...» Анна писала эти строки в ноябре 1943 года, не зная, какова судьба Лиз. А Лиз выжила. Она рассказывает, что в концлагере Берген-Бельзен встретила Анну: «Она была в лохмотьях. Даже в темноте я увидела, насколько она исхудала. Щеки ее ввалились, глаза стали еще больше... И мы плакали с нею, стояли и плакали – нас разделяла колючая проволока...»

Один голос из шести миллионов дошел до нас. Это еще детский голос, но в нем большая сила – искренности, человечности, да и таланта. Не каждый писатель сумел бы так описать и обитателей «убежища» и свои переживания, как это удалось маленькой Анне.

29 марта 1944 года Анна писала: «Вчера министр Болкенштайн говорил по станции «Оранне», что после войны должны выйти дневники и романы современников. Конечно, интересно, если б я вдруг напечатала роман «Убежище». Правда, по названию все подумали бы, что это – детективный роман! Нет, серьезно. Не покажется ли после войны, скажем лет через десять, невероятным, если рассказать, как мы, еврейская семья, жили тут...»

С тех пор прошло уже не десять, а шестнадцать лет, Анна ошиблась: недавно на стенах европейских городов снова появились знаки свастики. В Западной Германии есть люди, которые громко говорят: «Жалко, что Гитлер их всех не дорезал», – им обидно, почему отца Анны не убили...

Закон «о расовой чистоте» при Гитлере составлял доктор Ганс Глобке. Шесть миллионов невинных жертв на его совести. Шесть миллионов погибли, а доктор Ганс Глобке – правая рука канцлера Аденауэра, он распределяет деньги на пропаганду.

Когда гитлеровцы вторглись в Голландию, другой «доктор», а именно доктор Герман Конриг, был назначен правительственным комиссаром Нидерландов. За каждым его движением следили в ужасе Анна Франк и ее родители. Как наказан доктор Герман Конриг за слезы и за кровь Анны Франк? Он теперь депутат бундестага, член правительственной христианско-демократической фракции. Я повторяю: не на чердаке, не в щели, а в парламенте ФРГ!

Анна была в пересыльном лагере Вестерборк. Там формировали эшелоны обреченных. Концлагерь Вестерборк был подвластен эсэсовцу Альберту Конраду Гемеккеру, который в настоящее время проживает в Дюссельдорфе. В этом городе судили сторонников мира. Начальников концлагерей в этом городе не судят; и Альберт Конрад Гемеккер на старости занялся коммерцией.

Освенцим работал на химический трест ИГ, а трест ИГ в свою очередь работал на Освенцим – поставлял удушающий газ «Циклон». Я был на Нюрнбергском процессе, там много об этом говорили. Связь между командованием СС и «промышленностью» Освенцима поддерживал ближайший советник Гимmlера Карл Вольф. В Освенциме погибли мать Анны и первая любовь Анны – Петер. Карл Вольф спокойно доживает дни в прелестной вилле на берегу идиллического озера. Главный инженер Освенцима Макс Фауст работает в тресте ИГ и наслаждается жизнью.

Мораль ясна; можно безнаказанно в середине XX века убивать стариков, детей, травить людей ядовитыми газами, потом вовремя промолчать, переждать, чтобы пятнадцать лет спустя с удовлетворением увидеть, как маршируют молодые кандидаты в палачи, в народоубийцы.

Анна Франк признавалась, что ее мало интересует политика. Она не играла ни в трибунал, ни в парламент. Ей хотелось жить. Она мечтала о любви, она была бы хорошей матерью. Ее убили.

Ее дневник напоминает всем о совершенном преступлении, предупреждает: нельзя допустить, чтобы это повторилось!

Миллионы читателей знают Анну Франк, как будто видели ее у себя. Шесть миллионов ни в чем не повинных людей погибли. Один чистый, детский голос живет: он оказался сильнее смерти.

Илья Эренбург

Предисловие к голландскому изданию

Могут спросить, нуждается ли в предисловии эта книга, являющаяся именно тем, на что претендует, – дневником «нормального» ребенка, проделывающего в необычных обстоятельствах путь становления человека.

В восьмидесятих годах прошлого столетия Париж и весь остальной мир, интересовавшийся французской культурной жизнью, были повергнуты в смятение другим «детским» дневником. Он принадлежал русскому вундеркинду Марии Башкирцевой, девочке, выросшей в беспокойной великосветской среде путешествующего русского дворянства, которое в те годы обычно населяло крупные отели Баден-Бадена, Рима, Парижа и Ривьеры; цветку орхидеи, взлелеянному в оранжерейном тепле, ребенку, с колыбели изнеженному роскошью, белоснежными мехами, кружевами, шелками и избалованному любовным вниманием и восхищением окружающих, озабоченных великим будущим девочки: будущим певицы, художницы, писательницы или блестящей светской дамы. Первые осмысленные воспоминания Марии Башкирцевой озарены розовым светом восходящей славы или – пожалуй, следовало бы сказать – лучами прожекторов, и уже на двенадцатом году своей жизни она с поразительной и почти пугающей тщательностью фиксирует в дневнике этапы собственного пути навстречу известности, все, что последующие поколения могли бы найти примечательного в юности знаменитой женщины. И когда молодая, двадцатичетырехлетняя будущая художница стала ощущать дыхание приближающейся смерти, она заторопилась с изданием своего дневника.

«К чему лгать или рисоваться? Вполне понятно, конечно, что я испытываю желание (хотя и не питаю надежды) *остаться* на земле *подольше*, чего бы это ни стоило. Если не умру рано, то надеюсь остаться в памяти людей как великая художница. Но если мне суждено умереть молодой, я хочу, чтобы был издан мой дневник, который, быть может, окажется интересным... Когда меня уже не будет в живых, люди будут читать о моей жизни, которую я сама нахожу весьма примечательной... Если я умру, то внезапно, сраженная какой-нибудь болезнью... Вероятно, я не буду ничего знать о нависшей надо мной угрозе и ее будут от меня скрывать. А когда я уйду в мир иной, родственники станут рыться в ящиках моего стола, найдут дневник, прочтут и потом уничтожат, и скоро от меня ничего больше не останется, ничего, ничего. Это всегда ужасало меня. Жить такими честолюбивыми мечтами, страдать, плакать горькими слезами, бороться – и после всего этого единственный удел – забвение... забвение, как будто тебя никогда и не было на свете! Если даже мне не удастся прожить жизнь, достаточно долгую для того, чтобы прославиться, все равно мой дневник заинтересует... Ведь всегда интересно узнать о жизни женщины, описанной ею самой день за днем, без рисовки, словно дневник ни для кого на свете больше не предназначался... а я говорю все, все».

Вполне понятен и оправдан тот факт, что дневник Марии Башкирцевой, увидевший свет вскоре после ее трагической смерти, пользовался огромной популярностью. Этот дневник представляет собой целеустремленное и самоуверенное проявление индивидуализма и является феноменом, но феноменом хотя и передающим дух своего времени и раскрывающим честолюбие своего автора, но неспособным надолго приковать к себе внимание. Ибо чудеса не обладают привлекательностью: они могут изумлять, ошеломлять, производить сенсацию, но им не хватает притягательной силы, свойственной всему, что зарождается постепенно, растет, развивается и достигает зрелости.

А теперь об Анне Франк.

Тех, кто ждет от ее дневника «дива дивного», я вынуждена с самого начала разочаровать. Этот дневник не творчество вундеркинда.

«У меня странное чувство – я буду вести дневник! И не только потому, что я никогда не занималась «писательством». Мне кажется, что потом и мне и вообще всем не интересно будет читать излияния тринадцатилетней школьницы...

Я никому не собираюсь показывать эту тетрадь в толстом переплете, с высокопарным названием «Дневник», а если уж покажу, так *настоящему другу* или *настоящей* подруге, другим это неинтересно».

Ничего необычного, не правда ли? Такие или примерно такие слова предпосылают ежегодно своим дневникам десятки тринадцати-четырнадцатилетних подростков, начинающих сознавать свое «я», свое обособление среди окружающего.

Но процитированная запись датирована 20 июня 1942 года. А 6 июля семья Анны встала перед суровым выбором, являвшимся уделом столь многих еврейских семей: либо явиться «по вызову» и быть, подобно безропотным овцам, угнанными, либо скрыться. Они предпочли последнее и вместе с еще одной семьей укрылись в замаскированном флигеле одного из зданий на Принсенграхт, где помещалась фирма господина Франка, переведенная им в Голландию в 1933 году накануне бегства семьи из Германии. Итак, перед нами «пространная» история подпольного существования. История того, как на весьма ограниченном пространстве, в нескольких комнатках и чердаке, должны были ужиться две семьи – восемь человек, восемь узников, обреченных на полупшепот и осторожность и лишенных, если не считать незатейливых обязанностей по ведению домашнего хозяйства, каких-либо занятий, кроме... выискивания для себя занятия.

Естественно, что при столь необычных обстоятельствах в таком живом, смышленном, восприимчивом ребенке, как Анна Франк, переход от девочки к женщине, от подростка к взрослому человеку происходил ускоренными темпами. Отношение молодого, развивающегося индивида к внешнему миру, в нормальных условиях жизни характеризующееся более или менее многообразными и меняющимися связями, сведено здесь к предельно простой схеме, обусловившей развитие ее пытливого ума скорее вглубь, чем вширь. В постоянном проявлении своих симпатий и антипатий, в разногласиях и стычках, под пристальным взором семи любопытных глаз, словно с крупного плана кинокадра, буквально по часам росло умение ребенка разбираться в людях; вынужденный обстоятельствами самоанализ, постоянные поединки с самой собой и внутренними запретами непостижимо быстро развили самосознание девочки. На наших глазах совершается переход от «игры в дневник» к глубокому анализу не только внешних событий, но также собственных мечтаний и иллюзий, несложной тактики ее отношения к окружающим и превратностей ее судьбы, а также пересмотр ее прежних стремлений – *carpe diem*¹, – отречение от своих слишком красивых для обитательницы «убежища» девичьих мечтаний. Анна Франк постигает суровую жизненную мудрость – довольствуйся тем, что у тебя есть.

Замкнутость ли убежища или неясность будущего сделали этот дневник блестящим диалогом автора с самим собой, без мешающей и форсирующей мысли о читателях и даже без малейшего намека на лейтмотив Марии Башкирцевой – стремление понравиться, пусть даже в более высоком и более честном его проявлении, чем это обычно встречается в жизни. Достаточно хоть немного проштудировать современных психологов, чтобы убедиться, что юношеские годы оказывают огромное влияние на все наше отношение к жизни. Но вместе с тем многие, даже самые большие писатели постоянно стремятся обрисовать свой путь от детства до зрелости на основе ослабленных временем или проникнутых раздражением воспоминаний.

Дневник Анны Франк, написанный далеко еще не настоящей писательницей, – возможно, она и могла бы стать ею, но сколь бессмысленно теперь высказывать подобные пред-

¹ Лови мгновение (лат.).

положения! – с такой чистотой, с такой точностью и бесстрашием перед кем или чем бы то ни было, отражает пробуждение человеческой души, какое мы редко встречаем в воспоминаниях даже очень крупных писателей. Во взглядах Анны Франк на внешний мир и, что самое примечательное, на самое себя есть, несмотря на стремление к самоусовершенствованию, нечто от кандидовского прямодушия и аморальной беспристрастности, с которой дети в книге Хьюза «Сильный ветер на Ямайке» излагают свои наиболее романтические жизненные наблюдения.

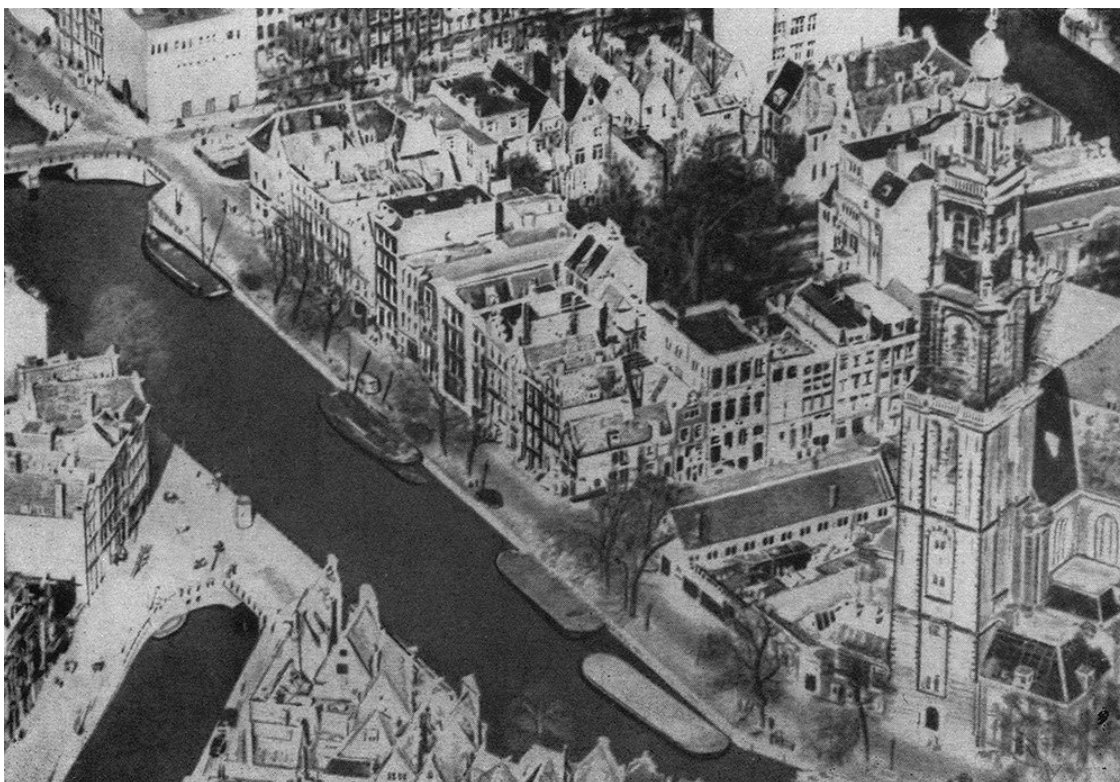
Но это еще не все, что можно сказать о дневнике Анны Франк. Он является документом войны, документальным свидетельством жестокости, с которой преследовались евреи, и горькой нищеты, на которую они были обречены в пору гонений, свидетельством готовности людей прийти на помощь ближнему, но также и совершить предательство, свидетельством способности человека приспосабливаться и оставаться неприспособленным. Маленькие радости, крупные и мелкие неурядицы подпольного существования с предельной непосредственностью, без претензии на литературность и поэтому зачастую превосходно описаны ребенком. И этот ребенок обладал важными качествами настоящего писателя: Анна умела сохранить непосредственность, она не могла свыкнуться с окружающими ее явлениями и тем самым не потеряла дара воспринимать их такими, какими они были.

При всем том, однако, самое значительное для меня в этом дневнике не документальная сторона, которая столь многократно была и будет отражена во многих других произведениях. Анна Франк напоминает мне молодое растение, переселенное из условий умеренного горного климата в условия знойной долины. Оно зацветает здесь буйно и пышно, чтобы затем безвременно погибнуть, как и Анна Франк, этот маленький смелый цветок, который расцвел за затемненными окнами убежища. Вот что трогает меня в дневнике.

Анни Ромейн-Ферсхор

Анна Франк

Общий вид квартала, где скрывалась семья Франк

12 июня 1942 г.

Надеюсь, что я все смогу доверить тебе, как никому до сих пор не доверяла, надеюсь, что ты будешь для меня огромной поддержкой.

Воскресенье, 14 июня 1942 г.

В пятницу я проснулась уже в шесть часов. И вполне понятно – был мой день рождения. Но мне, конечно, нельзя было вставать в такую рань, пришлось сдерживать любопытство до без четверти семь. Но больше я не вытерпела, пошла в столовую, там меня встретил Маврик, наш котенок, и стал ко мне ласкаться.

В семь я побежала к папе с мамой, потом мы все пошли в гостиную и там стали развязывать и разглядывать подарки. Тебя, мой дневник, я увидела сразу, это был самый лучший подарок. Еще мне подарили букет роз, кактус и срезанные пионы. Это были первые цветы, потом принесли еще много.

Папа и мама накупили мне кучу подарков, а друзья просто задарили меня. Я получила книгу «Камера обскура», настольную игру, много сладостей, головоломку, брошку, «Голландские сказки и легенды» Йозефа Коэна и еще дивную книжку – «Дэзи едет в горы» и деньги. Я на них купила «Мифы Древней Греции и Рима» – чудесные!

Потом за мной зашла Лиз и мы пошли в школу. Я угостила учителей и весь свой класс конфетами, потом начались уроки.

Пока все! Как я рада, что ты у меня есть!

Понедельник, 15 июня 1942 г.

В субботу после обеда праздновали мое рождение. Мы показали фильм «Сторож маяка» – с Рин-Тин-Тином. Картина моим подругам очень понравилась. Мы ужасно шалили

и веселились. Было много мальчиков и девочек. Мама всегда спрашивает, за кого бы я потом хотела выйти замуж. Она, наверно, очень удивилась бы, если б узнала, что я хочу выйти за Петера Весселя, потому что, когда она про него заговаривает, я и виду не подаю. Лиз Госсенс и Санну Хаутман я знаю сто лет, до сих пор они были самыми лучшими моими подругами. Потом я познакомилась в еврейской гимназии с Йоппи ван дер Ваал. Мы с ней много бываем вместе, и сейчас она моя лучшая подруга. Теперь Лиз больше дружит с другой девочкой, а Санна учится в другой школе, и у нее там свои подруги.

Суббота, 20 июня 1942 г.

Несколько дней не писала, хотелось серьезно обдумать – зачем вообще нужен дневник? У меня странное чувство – я буду вести дневник! И не только потому, что я никогда не занималась «писательством». Мне кажется, что потом и мне и вообще всем не интересно будет читать излияния тринадцатилетней школьницы. Но не в этом дело. Мне просто хочется писать, а главное хочется высказать все, что у меня на душе.

«Бумага все стерпит». Так я часто думала в грустные дни, когда сидела, положив голову на руки, и не знала, куда деваться. То мне хотелось сидеть дома, то куда-нибудь пойти, и я так и не двигалась с места и все думала. Да, бумага все стерпит! Я никому не собираюсь показывать эту тетрадь в толстом переплете, с высокопарным названием «Дневник», а если уж покажу, так *настоящему* другу или *настоящей* подруге, другим это неинтересно. Вот я и сказала главное, почему я хочу вести дневник: потому что у меня нет настоящей подруги!

Надо объяснить, иначе никто не поймет, почему тринадцатилетняя девочка чувствует себя такой одинокой. Конечно, это не совсем так. У меня чудные, добрые родители, шестнадцатилетняя сестра и, наверно, не меньше тридцати знакомых или так называемых друзей. У меня уйма поклонников, они глаз с меня не сводят, а на уроках даже ловят в зеркальце мою улыбку.

У меня много родственников, чудные дяди и тети, дома у нас уютно, в сущности у меня есть все – кроме подруги! Со всеми моими знакомыми можно только шалить и дурачиться, болтать о всяких пустяках. Откровенно поговорить мне не с кем, и я вся, как наглухо застегнутая. Может быть, мне самой надо быть доверчивей, но тут ничего не поделаешь, жаль, что так выходит.

Вот зачем мне нужен дневник. Но для того, чтобы у меня перед глазами была настоящая подруга, о которой я так давно мечтаю, я не буду записывать в дневник одни только голые факты, как делают все, я хочу, чтобы эта тетрадка сама стала мне подругой – и эту подругу будут звать *Китти*!

Никто ничего не поймет, если вдруг ни с того ни с сего начать переписку с Китти, поэтому расскажу сначала свою биографию, хотя мне это и не очень интересно.

Когда мои родители поженились, папе было 36 лет, а маме – 25. Моя сестра Марго родилась в 1926 году во Франкфурте-на-Майне, а 12 июня 1929 года появилась я. Мы евреи, и поэтому нам пришлось в 1933 году эмигрировать в Голландию, где мой отец стал одним из директоров акционерного общества «Травис». Эта организация связана с фирмой «Колен и К°», которая помещается в том же здании.

У нас в жизни было много тревог – как и у всех: наши родные остались в Германии, и гитлеровцы их преследовали. После погромов 1938 года оба маминых брата бежали в Америку, а бабушка приехала к нам. Ей тогда было семьдесят три года. После сорокового года жизнь пошла трудная. Сначала война, потом капитуляция, потом немецкая оккупация. И тут начались наши страдания. Вводились новые законы, один строже другого, особенно плохо приходилось евреям. Евреи должны были носить желтую звезду, сдать велосипеды, евреям запрещалось ездить в трамвае, не говоря уж об автомобилях. Покупки можно было делать от трех до пяти и притом в специальных еврейских лавках. После восьми вечера нельзя

было выходить на улицу и даже сидеть в саду или на балконе. Нельзя было ходить в кино, в театр, – никаких развлечений! Запрещалось заниматься плаванием, играть в хоккей или в теннис, – словом, спорт тоже был под запретом. Евреям нельзя было ходить в гости к христианам, еврейских детей перевели в еврейские школы. Ограничений становилось все больше и больше.

Вся наша жизнь проходит в страхе. Йоппи всегда говорит: «Боюсь за что-нибудь братья – а вдруг это запрещено?»

В январе этого года умерла бабуся. Никто не знает, как я ее любила и как мне ее не хватает.

С 1934 года меня отдали в детский сад при школе Монтессори, и потом я осталась в этой школе. В последний год моей классной воспитательницей была наша начальница гос-пожа К. В конце года мы с ней трогательно прощались и обе плакали навзрыд. С 1941 года мы с Марго поступили в еврейскую гимназию: она – в четвертый, а я – в первый класс.

Пока что нам, четверым, живется неплохо. Вот я и подошла к сегодняшнему дню и числу.

Суббота, 20 июня 1942 г.

Милая Китти!

Начинаю письмо сразу. Сейчас все тихо и спокойно. Мама с папой ушли, Марго у подруги играет в пинг-понг. Я тоже в последнее время играю с удовольствием. Нам, пинг-понгистам, всегда ужасно хочется мороженого, особенно летом, поэтому каждая игра обычно кончается походом в какую-нибудь кондитерскую, куда можно ходить евреям, – в «Дельфи» или «Оазис». Мы не заботимся, есть ли у нас деньги или нет. Там всегда полно знакомых и среди них непременно найдется какой-нибудь добрый дядюшка или поклонник, и нам со всех сторон предлагают столько мороженого, что за неделю не съесть!

Ты, наверно, удивляешься, что я в мои годы уже говорю о поклонниках. К сожалению, в нашей школе это – неизбежное зло. Как только кто-нибудь из мальчиков спрашивает, можно ли ему проводить меня домой на велосипеде, я знаю наперед, что вышеупомянутый юнец влюблен в меня по уши и не отстанет ни на шаг. Постепенно он остывает, особенно если я не обращаю внимания на его влюбленные взгляды и весело кручу педали. Когда он мне надоест, я нарочно вихляю рулем, моя сумка падает и молодой человек из приличия должен соскочить и поднять ее. Пока он довезет до меня сумку, он успокаивается. Это еще самое безобидное, а бывают и такие, которые посылают воздушные поцелуи и вообще начинают приставать. Но не на ту напали! Я слезаю с велосипеда и говорю, что мне его общество не подходит, а иногда делаю вид, что обиделась, и гоню его домой.

Ну вот, фундамент нашей дружбы заложен! До завтра, Китти!

Анна.

Воскресенье, 21 июня 1942 г.

Милая Китти!

Весь наш класс трясется от страха: скоро педагогический совет! Полкласса держит пари – кого переведут, кто останется на второй год. Мип де Йонг и я хохочем до слез над нашими соседями, они проспорили все карманные деньги: переведут – нет, останешься – нет, переведут... И так с утра до вечера! Не помогают ни умоляющие взгляды Мип, ни мои энергичные воспитательные меры – их никак не образумишь. Если б моя воля, я бы оставила на второй год полкласса – такие это лентяи! Но учителя – народ капризный, правда, может, это нам на пользу.

У меня со всеми учителями и учительницами отношения хорошие. У нас их девять – семь мужчин и две женщины. Господин Кеплер, наш старый математик, одно время на меня

злился, потому что я много болтаю. Он мне читал нотации, а потом задал мне в наказание работу – сочинение на тему «Болтунья». Гм-гм... «Болтунья»... Ну что тут напишешь? Но я не стала ломать голову, сунула тетрадь с задачами в сумку и попробовала молчать. А вечером, когда все уроки были сделаны, я вспомнила про сочинение. Грызла ручку и обдумывала эту тему. Написать что попало, лишь бы разогнать строчки пошире, – это каждый может. А вот найти неоспоримые доказательства в пользу болтовни – это искусство! Я думала, думала – и вдруг меня осенило; я исписала одним духом заданные три страницы, и вышло очень хорошо! Я доказывала, что болтовня – женская привычка и что я, конечно, постараюсь сдержаться, но что моя мама говорит не меньше меня, а против наследственности, к сожалению, бороться очень трудно.

Господин Кеплер очень смеялся над моими объяснениями. Но когда я на его уроке опять стала болтать, он задал мне второе сочинение, на этот раз оно называлось «Неисправимая болтунья». Я и это ему написала и на двух уроках вела себя безукоризненно. А на третьем моя болтовня опять вывела его из себя; и вот Anne снова задано сочинение: «Кряк-кряк, мамзель Утка!» Весь класс заливался! Я тоже смеялась, хотя больше ничего про болтовню придумать не могла. Надо было найти что-нибудь новое, оригинальное. Моя подруга Санна, замечательная поэтесса, посоветовала мне написать стихи и вызвалась помочь. Я была в восторге. Пускай Кеплер меня дразнит, я ему отплачу, он у меня будет посмешищем всего класса!

Стихи получились дивные, успех потрясающий! Там было про маму-утку и папу-селезня и про трех утят, которых папа заклевал насмерть за то, что они слишком много крякали. К счастью, Кеплер понял шутку и прочел стихи в нашем классе и в других классах тоже, да еще с объяснениями. С этих пор я могу болтать сколько влезет и никаких штрафных работ! Правда, Кеплер все надо мной подшучивает.

Анна.

Среда, 24 июня 1942 г.

Милая Китти!

Невыносимо жарко. Все отдуваются, пыhtят и потеют в этом пекле, а тут еще приходится бегать пешком. Только теперь я оценила, какая хорошая штука – трамвай, особенно открытые вагоны. Но это – запретный плод для нас, евреев. Только и остается, что бегать на своих на двоих. Вчера мне надо было к зубному врачу на Ян-Люкенстраат, во время перерыва на завтрак. Это довольно далеко от нашей школы, идти надо было мимо городского сада. Я так устала, что на последних уроках чуть не заснула. Хорошо еще, что по дороге встретилось много добрых людей, они сами предлагали мне воды. Ассистентка у зубного врача очень славная, внимательная.

Мы можем пользоваться только перевозом – и все. Это маленький катер, он идет от Йозефизраэльскаде, и перевозчик сразу перевез нас, как только мы попросили. Голландцы, безусловно, не виноваты, что нам так плохо.

Если б только не ходить в школу! На пасху украли мой велосипед, а мамин папа отдал на хранение знакомым. К счастью, скоро каникулы, еще неделя – и конец мучениям.

Вчера днем случилось что-то очень приятное. Когда я проходила мимо того места, где обычно стоял мой велосипед, меня кто-то окликнул. Я обернулась и увидела очень симпатичного мальчика, с которым я познакомилась накануне у моей школьной подруги Евы. Он немножко стеснялся, назвал свое имя: Гарри Гольдберг. Я удивилась – не понятно, что ему было нужно. Но скоро все выяснилось: он хотел проводить меня в школу. «Если тебе по дороге, пойдем», – ответила я, и мы пошли вместе. Гарри уже 16 лет, и он очень мило рассказывает всякие истории. Утром он опять ждал меня, очевидно, теперь так и пойдет.

Анна.

Вторник, 30 июня 1942 г.

Милая Китти!

До сегодняшнего дня мне было совсем некогда писать. В четверг провела весь день у знакомых. В пятницу к нам пришли гости, и так – до сегодняшнего дня. За эту неделю мы с Гарри подружились. Он мне много рассказал о себе. Сюда, в Голландию, он приехал один, тут у него дедушка и бабушка, а родители – в Бельгии.

Раньше он дружил с девочкой Фанни. Я ее тоже знаю. Она – образец кротости и скуки. С тех пор как Гарри со мной познакомился, он понял, что с Фанни ему скучно до одури. Я его, как видно, развлекаю. Никогда не знаешь, на что согласишься!

В субботу у меня ночевала Йоппи. Но в воскресенье она ушла к Лиз, и я скучала смертельно.

Вечером Гарри должен был прийти ко мне. В шесть он позвонил:

«Говорит Гарри Гольдберг. Можно позвать Анну?»

«Да, Гарри, это я».

«Добрый вечер, Анна. Как поживаешь?»

«Спасибо, хорошо».

«К сожалению, я сегодня не могу прийти. Но мне хочется с тобой поговорить. Можешь выйти ко мне через десять минут?»

«Хорошо, я выхожу».

Я поскорее переоделась и немножко поправила волосы. Потом стояла у окна и волновалась. Наконец он пришел. Чудо из чудес – я не помчалась с лестницы стремглав, а спокойно ждала, пока он позвонит. Тогда я спустилась вниз, и он сразу начал:

«Слушай, моя бабушка считает, что ты для меня слишком молода. Она говорит, что мне надо бывать у Лурсов. Она, должно быть, поняла, что я не хочу видеться с Фанни».

«Почему, разве вы в ссоре?»

«Нет, наоборот, но я сказал Фанни, что мы разные люди и поэтому мне не хочется проводить с ней много времени. Но пусть она ходит к нам в гости, а я буду бывать у них. А потом я думал, что Фанни дружит с другими мальчиками. Оказывается, это неправда, и теперь дядя говорит – ты должен перед ней извиниться. А я не хочу. Поэтому я решил с ней больше не встречаться. А бабушка хочет, чтобы я бывал у Фанни, а не у тебя, но я и не подумаю! У стариков бывают какие-то устарелые представления. Но мне с ними считаться нечего. Конечно, я завишу от бабушки, но и она отчасти от меня зависит. По средам я свободен, и дед с бабушкой думают, что я хожу на уроки лепки, а на самом деле я бываю на сионистских собраниях. Мы-то не сионисты, но мне просто интересно про них знать. Хотя в последнее время мне там что-то не нравится, и больше я туда ходить не буду. Значит, мы можем с тобой видеться в среду и в субботу днем и вечером, и в воскресенье вечером, а может быть, даже чаще».

«Но если твоя бабушка и дед не хотят, зачем тебе бывать у меня против их воли?»

«Для любви нет препятствий».

Мы завернули за угол, около книжной лавки – и там стоял Петер Вессель с двумя товарищами. Я его увидела в первый раз после каникул и страшно обрадовалась.

Мы с Гарри обошли весь квартал несколько раз и в конце концов договорились, что завтра вечером, без пяти семь, я буду ждать у его дома.

Анна.

Пятница, 3 июля 1942 г.

Милая Китти!

Вчера Гарри пришел к нам – познакомиться с моими родителями. Я купила торт, конфет и кекс. Мы пили чай, но нам с Гарри стало скучно сидеть дома. Мы ушли гулять, и в

десять минут девятого он проводил меня домой. Отец страшно сердился, что я вернулась так поздно. Евреям очень опасно появляться на улице после восьми вечера, и я обещала всегда приходить домой без десяти восемь.

Назавтра меня пригласили к Гарри. Моя подруга Йоппи вечно меня дразнит им. Но я вовсе не влюблена в него. Разве нельзя иметь друга? Нет ничего дурного в том, что у меня есть друг или, как говорит мама, кавалер. Ева мне рассказала, что Гарри недавно был у нее и она его спросила: «Кто тебе больше нравится – Фанни или Анна?» А он сказал: «Не твое дело!» Больше они об этом не разговаривали, а когда он уходил, он сказал: «Конечно, Анна – только ты никому не говори». И сразу убежал.

Я замечаю, что Гарри ужасно в меня влюблен, и для разнообразия мне это даже нравится. Марго сказала о нем: «Гарри – славный малый». По-моему, тоже и даже больше. Мама от него в восторге. «Красивый мальчик, очень мил, хорошо воспитан». Я рада, что Гарри понравился всему нашему семейству и ему они тоже очень нравятся. Только мои подруги кажутся ему совершенными детьми – и тут он прав.

Анна.

Воскресенье, 5 июля 1942 г.

Годовой акт в пятницу прошел отлично – нас перевели. У меня совсем неплохие отметки. Только одно «плохо», по алгебре – пять, потом – две шестерки, а остальные все – семерки и две восьмерки². Дома все очень довольны. Мои родители непохожи в этом на других. Им неважно – плохие или хорошие у меня отметки, им гораздо важнее, чтобы я «прилично» себя вела, была здоровая и веселая. Лишь бы тут все было в порядке, остальное приложится. Но мне все же хотелось бы хорошо учиться. Меня, в сущности, в гимназию приняли условно, потому что я не прошла последний класс школы Монтессори. Но так как всем еврейским детям надо было переходить в еврейские гимназии, директор принял меня и Лиз, правда, условно, после долгих переговоров. Мне не хочется его разочаровывать. Моя сестра Марго тоже получила свой табель – как всегда, блестящий. Если бы давали награды, она, наверно, перешла бы с похвальной грамотой – такая умница!

Отец в последнее время много бывает дома, ему нельзя ходить в контору. Ужасное чувство – вдруг оказаться лишним! Господин Коопхойс принял от него «Травис», а господин Кралер – фирму «Колен и К°», в которой отец тоже был компаньоном.

На днях, когда мы с отцом гуляли, он заговорил со мной об «убежище». Сказал, что нам было бы очень тяжело жить отрезанными от всего мира. Я спросила, почему он об этом заговорил.

«Ты знаешь, – сказал он, – что мы уже больше года прячем у знакомых одежду, мебель и продукты. Мы не хотим оставить немцам наше имущество, а тем более – попасться им в руки. Поэтому мы сами уйдем, не дожидаясь, пока нас заберут».

Мне стало страшно, такое серьезное лицо было у папы.

«А когда?»

«Об этом не думай, детка. Придет время – узнаешь. А пока можно – пользуйся свободой».

И все. Ах, если бы этот день был далеко-далеко!

Анна.

Среда, 8 июля 1942 г.

Милая Китти!

² В голландских школах – десятибалльная система.

Между воскресным утром и сегодняшним днем как будто прошли целые годы. Столько всего случилось, как будто земля перевернулась! Но, Китти, как видишь, я еще живу, а это, по словам папы, – самое главное.

Да, я живу, только не спрашивай, как и где. Наверно, ты меня сегодня совсем не понимаешь. Придется сначала рассказать тебе все, что произошло с воскресенья.

В три часа – Гарри только что ушел и хотел скоро вернуться – вдруг раздался звонок. Я ничего не слыхала, уютно лежала в качалке на веранде и читала. Вдруг в дверях показалась испуганная Марго. «Анна, отцу прислали повестку из гестапо, – шепнула она. – Мама уже побежала к ван Даану». (Ван Даан – хороший знакомый отца и его сослуживец.)

Я страшно перепугалась. Повестка... все знают, что это значит: концлагерь... Передо мной мелькнули тюремные камеры – неужели мы позволим забрать отца! «Нельзя его пускать!» – решительно сказала Марго. Мы сидели с ней в гостиной и ждали маму. Мама пошла к ван Даанам, надо решить – уходить ли нам завтра в убежище. Ван Дааны тоже уйдут с нами – нас будет семеро. Мы сидели молча, говорить ни о чем не могли. Мысль об отце, который, ничего не подозревая, пошел навестить своих подопечных в еврейской богадельне, ожидание, жара, страх – мы совсем онемели.

Вдруг звонок. «Это Гарри!» – сказала я. «Не открывай!» – удержала меня Марго, но страх оказался напрасным: мы услышали голоса мамы и господина ван Даана, они разговаривали с Гарри. Потом он ушел, а они вошли в дом и заперли за собой двери. При каждом звонке Марго или я прокрадывались вниз и смотрели – не отец ли это. Решили никого другого не впускать.

Нас выслали из комнаты. Ван Даан хотел поговорить с мамой наедине. Когда мы сидели в нашей комнате, Марго мне сказала, что повестка пришла не папе, а ей. Я еще больше испугалась и стала горько плакать. Марго всего шестнадцать лет. Неужели они хотят высылать таких девочек без родителей? Но, к счастью, она от нас не уйдет. Так сказала мама, и, наверно, отец тоже подготавливал меня к этому, когда говорил об убежище.

А какое убежище? Где мы спрячемся? В городе, в деревне, в каком-нибудь доме, в хижине – когда, как, где? Нельзя было задавать эти вопросы, но они у меня все время вертелись в голове.

Мы с Марго стали укладывать самое необходимое в наши школьные сумки. Первым делом я взяла эту тетрадку, потом что попало: бигуди, носовые платки, учебники, гребенку, старые письма. Я думала о том, как мы будем скрываться, и совала в сумку всякую ерунду. Но мне не жалко: воспоминания дороже платьев.

В пять часов наконец вернулся отец. Он позвонил господину Коопхойсу и попросил вечером зайти. Господин ван Даан пошел за Мип. Мип работает в конторе у отца с 1933 года, она стала нашим верным другом, и ее новоиспеченный муж, Хенк, тоже. Она пришла, уложила башмаки, платья, пальто, немного белья и чулок в чемодан и обещала вечером опять зайти. Наконец у нас стало тихо. Есть никто не мог. Все еще было жарко и вообще как-то странно и непривычно.

Верхнюю комнату у нас снимает некий господин Гоудсмит, он разведен с женой, ему лет тридцать. Видно, в это воскресенье ему нечего было делать, он сидел у нас до десяти, и никак нельзя было его выжить.

В одиннадцать пришли Мип и Хенк ван Сантен. В чемодане Мип и в глубоких карманах ее мужа снова стали исчезать чулки, башмаки, книги и белье. В половине двенадцатого они ушли, тяжело нагруженные. Я устала до полусмерти, и, хотя я знала, что сплю последнюю ночь в своей кровати, я тут же заснула. В половине шестого утра меня разбудила мама. К счастью, было не так жарко, как в воскресенье. Весь день накрапывал теплый дождик. Мы все четверо столько на себя надели теплого, будто собирались ночевать в холодильнике. Но нам надо было взять с собой как можно больше одежды. В нашем положении никто не отва-

жился бы идти по улице с тяжелым чемоданом. На мне было две рубашки, две пары чулок, три пары трико и платье, а сверху – юбка, жакет, летнее пальто, потом мои лучшие туфли, ботики, платок, шапка и еще всякие платки и шарфы. Я уже дома чуть не задохнулась, но всем было не до этого.

Марго набила сумку учебниками, села на велосипед и поехала за Мип в неизвестную мне даль. Я еще не знала, в каком таинственном месте мы будем прятаться... В семь часов тридцать минут мы захлопнули за собой двери. Единственное существо, с которым я простилась, был Маврик, мой любимый котенок, его должны были приютить соседи. Об этом мы оставили записочку господину Гоудсмиту. На кухонном столе лежал фунт мяса для кота, в столовой не убрали со стола, постели мы не оправили. Все производило впечатление, будто мы бежали сломя голову. Но нам было безразлично, что скажут люди. Мы хотели только уйти и благополучно добраться до места. Завтра напишу еще!

Анна.

Четверг, 9 июля 1942 г.

Милая Китти!

Так мы бежали под проливным дождем: отец, мама и я, у каждого портфель и хозяйственная сумка, до отказа набитые чем попало.

Рабочие, которые рано шли на работу, смотрели на нас сочувственно. По их лицам было видно, что они огорчены за нас и им нас жалко, потому что мы должны тащить такую тяжесть на себе, а сесть в трамвай не можем. Все видели желтую звезду, и этого было достаточно.

По дороге родители мне подробно рассказали, как возник план бегства. Уже много месяцев они переносили в безопасное место часть нашей обстановки и одежды. Все было подготовлено, и шестнадцатого июля мы должны были скрыться. Но повестка пришла на десять дней раньше, и надо было мириться с тем, что помещение еще не совсем подготовлено. Убежище находится в конторе отца. Посторонним это понять трудно. Придется объяснить подробнее. У отца всегда было мало служащих: господин Кралер, господин Коопхойс, Мип и Элли Воссен, двадцатитрехлетняя стенографистка. Все они знают, где мы будем. Не посвящен только господин Воссен, отец Элли, который работает на складе, и два его подручных.

План дома такой: в первом этаже – большой склад, он же экспедиция. Рядом с дверью на склад – входная дверь, двойная, которая ведет на небольшую лесенку. Если по ней подняться, то окажешься перед дверью с матовым стеклом, на нем черными буквами написано: «Контора». Это и есть главная контора, очень большая, очень светлая, где много народу. Днем там работают Мип, Элли и господин Коопхойс. Через проходную комнату, где стоит много шкафов, большой буфет и несгораемый шкаф,ходишь в темноватый кабинет, где раньше сидели господин Кралер и господин ван Даан, а теперь остался только господин Кралер. Из коридора тоже есть вход прямо в этот кабинет, через стеклянную дверь, которую можно открыть изнутри, а снаружи нельзя.

Из кабинета Кралера по коридору поднимаешься на четыре ступеньки иходишь в лучшую комнату конторы – директорский кабинет. Там темная, солидная мебель, линолеум покрыт ковром, стоит радиоприемник, красивые, нарядные лампы, словом, шикарно! Рядом – большая поместительная кухня с «титаном» и двумя газовыми конфорками. Дальше – уборная. Это все в первом этаже.

Из длинного коридора деревянная лестница ведет наверх, в прихожую, которая переходит в коридор. Направо и налево – двери. Левая ведет на склад и в кладовые, с мансардой и чердаком, – это помещение занимает переднюю часть дома. С другой стороны здания есть еще длинная, ужасно крутая, настоящая голландская лестница, она ведет ко второму выходу на улицу.

Правая дверь ведет к нашему убежищу. Никто бы не подумал, что за этой простой серой дверью столько помещений. У дверей – ступенька, и вы там. Сразу против этого входа – крутая лесенка. Налево маленькая прихожая ведет в комнату, которая должна служить столовой и спальней семье Франк, а рядом есть еще одна комнатка: это спальня и классная сестриц Франк. Направо от лестницы – темная комнатка с умывальником и отдельной уборной. Из комнатки есть дверь в нашу спальню – Марго и мою. Когда поднимаешься по лестнице и открываешь дверь наверху, то просто удивляешься, что в задней половине такого старого дома вдруг оказывается большая, светлая и красивая комната. В этой комнате стоит газовая плита и стол для мойки посуды – тут до сих пор была лаборатория фирмы. А теперь тут будет кухня и, кроме того, столовая, спальня и кабинет супругов ван Даан. Крошечная проходная каморка будет царством Петера ван Даана. Там есть еще чердак и мансарда, как и в передней части дома. Видишь, теперь я тебе описала наше чудное убежище!

Анна.

Пятница, 10 июля 1942 г.

Милая Китти!

Может быть, я тебе ужасно надоела длинными описаниями нашего жилья. Но должна же ты знать, где я приземлилась! Продолжаю, так как я еще не все рассказала. Когда мы пришли на Принсенграхт, Мип тут же увела нас наверх, в убежище. Она заперла за нами двери – и мы остались одни. Марго приехала на велосипеде раньше нас и уже ждала там. Наша комната, да и все остальные были похожи на кладовую старьевщика – описать невозможно, что там творилось! Все картонки и чемоданы, которые месяцами переносили сюда, были свалены как попало. Маленькая комната была до потолка заставлена кроватями и постелями. Надо было сразу взяться за уборку, если мы хотели вечером лечь спать в постланные постели. Мама и Марго не могли и пальцем пошевелить. Они лежали на тюфяках в ужасном состоянии. А мы с папой, главные «уборщики» в семействе, сразу взялись за работу. Мы все распаковали, убрали, выколотили, вымыли и к вечеру, не чуя под собой ног, легли в чистые постели. Весь день мы не ели горячего. Впрочем, это было лишнее. Мама и Марго слишком нервничали, им есть не хотелось, а у нас с папой не было времени. Во вторник с утра опять взялись за дело. Элли и Мип купили кое-чего по нашим карточкам, отец наладил затемнение, потом отмывали пол на кухне, словом, все работали с утра до вечера. До среды мне вообще некогда было даже подумать об огромном перевороте, который произошел в моей жизни. И только в среду – впервые после нашего прихода в убежище – я смогла обдумать все и написать тебе, что произошло и что еще с нами может произойти.

Анна.

Суббота, 11 июля 1942 г.

Милая Китти!

Отец, мама и Марго никак не могут привыкнуть к звону колокола с Вестертурма – он звонит каждые четверть часа. А мне даже нравится, очень красиво, особенно ночью, это меня как-то успокаивает. Наверно, тебе очень хочется знать, нравится ли мне наше убежище. Честно говоря, сама не знаю. Мне кажется, что тут я никогда не буду чувствовать себя как дома. Я не хочу сказать, что здесь жутко или уныло. Иногда мне кажется, что я попала в какой-то очень странный пансион. Удивительное представление о тайном убежище, как потвоему? В сущности наша половина дома – идеальное убежище. Не беда, что тут сыровато и потолки косые, все-таки во всем Амстердаме, да, пожалуй, и во всей Голландии удобнее тайника не найти.

Сначала наша комната была совсем пустая. К счастью, папа захватил всю мою коллекцию кинозвезд и пейзажей, и я при помощи клея и кисточки всю стену облепила картинками!

Теперь у нас совсем весело. Когда придут ван Дааны, мы сделаем из досок, которые есть на чердаке, стенные шкафчики и другие нужные вещи.

Марго и мама чувствуют себя лучше. Вчера мама впервые решила варить обед. Гороховый суп! Но она так заговорила вниз, что суп весь сгорел, горох совершенно обуглился и его нельзя было отодрать от кастрюли. Жаль, что нельзя об этом рассказать нашему учителю Кеплеру! Вот она, наследственность!

Вчера вечером мы все спустились в кабинет послушать английскую радиопередачу. Я страшно боялась, что кто-нибудь из соседей заметит, и просто умоляла папу вернуться со мной наверх. Мама поняла меня и поднялась со мной. Вообще мы очень беспокоимся – как бы нас не услышали или не увидали. В первый же день мы сшили занавески. Собственно говоря, это просто лоскуты разного цвета и формы, которые мы с папой кое-как сшили. Эти роскошные гардины прибиты гвоздями к оконным рамам, и, пока мы тут, их снимать не будут.

Справа от нашего дома – большая контора, слева – мебельная мастерская. В этих помещениях после рабочего дня нет ни души, однако шум все же может туда проникнуть. Поэтому мы запретили Марго даже кашлять ночью – она страшно простужена. Бедняжке приходится глотать кодеин.

Очень рада, что во вторник придут ван Дааны. Станет уютнее и не так тихо. От тишины я ужасно нервничаю, особенно по вечерам и ночью, я бы отдала что угодно, лишь бы у нас ночевал кто-нибудь из наших защитников. Мне все кажется, что мы отсюда никогда не выберемся и что нас найдут и расстреляют. Меня эта мысль страшно гнетет. Днем надо тоже соблюдать тишину, нельзя громко топать и надо разговаривать почти шепотом, чтобы внизу на складе нас не услышали. Меня зовут!

Анна.

Пятница, 14 августа 1942 г.

Милая Китти!

Я тебя покинула на целый месяц. Но не каждый день случается что-нибудь новое. 13 июля пришли ван Дааны. В сущности, было условлено на четырнадцатое, но, так как немцы в эти дни вызывали все больше и больше евреев и вообще было очень беспокойно, они решили лучше прийти на день раньше, чем на день позже. Утром, в половине десятого, – мы еще завтракали, – явился Петер ван Даан, довольно скучный и застенчивый юнец шестнадцати лет. Он принес за пазухой котенка, которого зовут Муши. Знаю, что мне с ним будет неинтересно. Через полчаса явились супруги ван Даан, она, к нашему всеобщему удовольствию, – с ночным горшком в шляпной коробке. «Не могу жить без горшка!» – объяснила она, и объемистый сосуд тотчас же был водворен под кроватью. Муж не принес горшка, но зато притащил под мышкой складной столик. В первый день мы уютно сидели все вместе, и через три дня у нас было такое чувство, как будто мы всегда жили одной большой семьей.

В ту неделю, когда ван Дааны после нас оставались среди людей, они, разумеется, многое пережили и все нам рассказали. Нас особенно интересовало, что случилось с нашей квартирой и с господином Гоудсмитом.

И ван Даан нам рассказал: «В понедельник в девять часов утра Гоудсмит позвонил мне и попросил прийти. Он показал записку, которую вы оставили (насчет кошки и куда ее отдать). Он ужасно боялся обыска, и мы убрали со стола и вообще все привели в порядок. Вдруг я увидел на настольном календаре у госпожи Франк какую-то запись – это был адрес в Маастрихте. Я, конечно, сразу понял, что это умышленная «неосторожность», но притворился удивленным и испуганным и стал просить господина Гоудсмита сжечь этот несчастный листок. Все время я твердил, что ничего не знал о вашем решении бежать. И вдруг меня как будто осенило. «Господин Гоудсмит, – говорю я ему, – я вдруг сообразил, что это за

адрес. Примерно полгода назад к нам в контору приходил важный немецкий офицер, друг детства господина Франка. Он обещал ему помочь, если тут станет опасно жить. Этот офицер служит в Маастрихте. Наверно, он сдержал слово и переправил Франков в Бельгию, а оттуда – к их родным, в Швейцарию. Всем хорошим знакомым Франков, которые будут у вас о них спрашивать, вы можете спокойно об этом сказать, только, пожалуйста, не упоминайте Маастрихт». Тут я ушел. Теперь большинство знакомых это знает, и мне уже передавали эту версию много раз».

Мы были в восторге от этой истории и хохотали от души – чего только люди не вообразят! Так, одна семья уверяла, что видела, как мы все рано утром катили на велосипедах. Другая дама утверждала, что сама видела, как нас ночью увозила военная машина.

Анна.

Пятница, 21 августа 1942 г.

Милая Китти!

Наше убежище стало настоящим тайником. Господину Кралеру пришла блестящая мысль – закрыть наглухо вход к нам сюда, на заднюю половину дома, потому что сейчас много обысков – ищут велосипеды. Выполнил этот план господин Воссен. Он сделал подвижную книжную полку, которая открывается в одну сторону, как дверь. Конечно, его пришлось «посвятить», и теперь он готов помочь нам во всем. Теперь, когда спускаешься вниз, нужно сначала нагнуться, а потом прыгнуть, так как ступенька снята. Через три дня мы все набили страшные шишки на лбу, потому что забывали нагнуться и стукались головой о низкую дверь. Теперь там приколочен валик, набитый стружкой. Не знаю, поможет ли!

Читаю я мало. Пока что я перзабыла многое, чему нас учили в школе. Жизнь тут однообразная. Мы с господином ван Дааном часто ссоримся. Конечно, Марго ему кажется куда милее. Мама обращается со мной, как с маленькой, а я этого не выношу. Петер тоже не стал приятнее. Он скучный, весь день валяется на кровати, иногда что-то мастерит, а потом опять спит. Такой тюфяк!

Погода теплая, и мы нежимся в шезлонгах на чердаке.

Анна.

Среда, 2 сентября 1942 г.

Милая Китти!

Фру ван Даан и ее муж страшно ссорились. Такого я еще в жизни не видела. Папа с мамой ни за что на свете не стали бы так орать друг на друга. Повод настолько пустячный, что о нем и говорить не стоит. Впрочем, каждый на свой лад! Петеру ужасно неприятно быть меж двух огней. Но его никто не принимает всерьез, потому что он такой лентяй и рохля. Вчера он вдруг заволновался оттого, что у него обложен язык. Но скоро все прошло. Сегодня он обмотал шею толстым шарфом, говорит, у него прострел и, кроме того, болят легкие, сердце и почки. Чего только не выдумывает! Этот мальчик – типичный ипохондрик (кажется, это так называется?).

Мама тоже не очень ладит с фру ван Даан, и для этого есть достаточно оснований. К примеру: фру ван Даан положила в общий бельевой шкаф всего три простыни с самыми благородными намерениями пользоваться нашим бельем и приберечь свое. Она очень удивится, когда увидит, что мама последовала ее примеру. Мадам вечно злится, что пользуются ее сервизом, а не нашим. Все время пытается узнать, где наш фарфор, и не подозревает, что сидит в двух шагах от него! А мы его спрятали на чердаке, под всякими рекламками, и он пролежит там, пока мы не выйдем! Мне ужасно не везет. Вчера я уронила тарелку. Мадам сердито закричала: «Ах, осторожнее! Это все, что у меня осталось!» Но господин ван Даан что-то ко мне подлизывается.

Сегодня утром мама опять прочитала мне длинную нотацию. Нет, я больше не могу. Мы с ней слишком расходимся во всем. Папа – совсем другой, он меня понимает, даже если он минут пять на меня и поворчит.

На прошлой неделе произошло столкновение. Повод – книга про женщин и... Петер. Должна тебе сказать, что Марго и Петеру разрешают читать все книги, которые приносит из библиотеки господин Коопхойс. Но эту книгу взрослые им давать не хотели.

Разумеется, у Петера проснулось любопытство. О чем написано в такой запрещенной книге? Он тайком вытащил ее у матери и скрылся с добычей на чердак. Два дня все шло гладко. Его мать все заметила, однако ничего не выдала. Тут вмешался его отец. Он рассердился, отнял у Петера книгу и считал, что на этом дело кончится. Но он не представлял себе, насколько у его сына разгорелось любопытство: Петер считал, что совершенно незачем лишать себя удовольствия из-за решительных протестов папаша. Он стал придумывать, как бы опять заполучить эту «таинственную» книжку. Тем временем фру ван Даан посоветовалась с мамой, а мама сказала, что и для Марго эта книга не подходит, хотя ей разрешается читать много других книг.

«Правда, между Марго и Петером большая разница, фру ван Даан, – сказала ей мама. – Во-первых, девочки взрослеют раньше мальчиков, во-вторых, Марго очень много читала, знакома с серьезными, глубокими произведениями, а потом она гораздо развитее, гораздо образованнее. Ведь она почти что кончила гимназию».

В принципе фру ван Даан согласилась, но все же сказала, что не считает нужным давать молодежи книги, предназначенные для взрослых.

А пока что Петер только ждал удобного случая, чтобы снова завладеть книжкой. И вечером, когда все семейство сидело внизу, в кабинете директора, слушая радио, он забрался со своим сокровищем на чердак. В половине девятого он должен был сойти вниз, но он так увлекся книгой, что не заметил времени и прокрался с чердака в ту минуту, когда его отец вошел в комнату. Можешь себе представить, что тут было! Мы услышали звук оглушительной пощечины, рывок, книжка полетела на стол, а Петер – в угол комнаты. К ужину супруги пришли вдвоем. Петер остался наверху. Никто о нем не вспомнил, его оставили без ужина. Мы перешли к повестке дня, то есть начали есть. И вдруг... оглушительный свист... Мы окаменели, побледнев, уставились друг на друга, вилки и ножи выпали из рук. Но тут через отдушину загремел голос Петера:

«Не воображайте, что я спущусь!»

Ван Даан вскочил и, покраснев как рак, закричал:

«Нет, это уж слишком!»

Папа схватил его за руку, боясь, как бы он не наделал беды, и они вместе поднялись наверх. После яростного сопротивления и страшного шума Петера препроводили в его комнату и заперли на ключ. Его добрая мамаша хотела отложить для сыночка бутербродик, но папаша был неумолим.

«Если он сейчас же не попросит прощения, пусть спит на чердаке».

Мы все заспорили и стали доказывать, что остаться без ужина – достаточное наказание, а если он простудится, то даже нельзя позвать врача.

Но Петер не попросил прощения и ушел на чердак. Господин ван Даан притворился, что ему нет дела до сына, но на следующее утро увидел, что Петер все же спал на своей кровати. В семь часов он опять забрался на чердак и только после уговоров отца согласился сойти вниз.

Три дня все ходили хмурые, упрямо молчали, а потом все пошло по-старому.

Анна.

Понедельник, 21 сентября 1942 г.

Милая Китти!

Сегодня расскажу тебе про наши будничные мелочи. Фру ван Даан невыносима. Вечно она меня бранит за разговорчивость. Вечно она чем-нибудь портит нам жизнь. Теперь она вдруг отказывается мыть посуду. Но если она уж взялась, а на дне кастрюли осталась какая-нибудь еда, то она не складывает ее на стеклянную тарелочку, как мы, а оставляет портиться. При следующей мойке посуды Марго приходится мыть вдвое больше кастрюль, а тут еще эта мадам ей говорит:

«Да, Марго, миленькая, у тебя действительно дел по горло!»

Мы с папой нашли себе занятие. Мы чертим родословную его семьи, и он мне о каждом что-нибудь рассказывает. И я чувствую с ними какую-то крепкую связь. Каждые две недели господин Коопхойс приносит мне из библиотеки какие-нибудь книги для девочек. Я в восторге от серии «Юп-тер-Хель», и мне очень по душе все, что пишет Цисси фон Маркс-вельд. «Веселое лето» я прочла четыре раза и в смешных местах все равно хохочу. Мы уже начали заниматься: каждый день я вызубриваю пять неправильных глаголов и вообще очень старательно учу французский. Петер пыхтит над своими английскими уроками. Мы получили новые учебники; запас тетрадей, карандашей, наклеек, резинок и прочее мы принесли с собой из дому. Часто слушаю передачи «Оранне»³. Только что выступал принц Бернгард и рассказал, что они в январе опять ждут ребеночка. Все удивляются, что я так люблю королевское семейство Голландии.

Несколько дней назад мы говорили о том, что мне еще многому надо учиться, и в результате я засела за зубрежку. Неохота потом начинать все сначала. Зашел разговор и о том, что я в последнее время слишком мало читаю хороших книг. Мама сейчас читает «Господа, дамы и слуги». А мне и это запрещено читать, сначала надо стать образованной, как моя умная талантливая сестрица. Мы говорили и о философии, психологии и физиологии (я посмотрела в словарь, как писать эти трудные слова), но и тут я совсем ничего не знаю. Надеюсь, что к будущему году я наверстаю все!

С ужасом я обнаружила, что у меня на зиму только одно платье с длинными рукавами и три шерстяные кофточки. Папа позволил мне связать для себя пуловер из белой овечьей шерсти. Шерсть, правда, некрасивая, но зато очень теплая. Мы спрятали массу одежды у всяких знакомых, но достать ее можно будет только после войны, если что-нибудь уцелеет.

Как раз когда я что-то писала про фру ван Даан, она вошла в комнату. Я тут же захлопнула тетрадь.

«Ах, Анна, можно мне поглядеть?»

«Нет, фру ван Даан!»

«Хоть последнюю страничку».

«Нет, и последнюю нельзя».

Я перепугалась до смерти. Именно на этой странице я писала про нее не особенно лестные слова.

Анна.

Пятница, 25 сентября 1942 г.

Милая Китти!

Вчера я опять поднялась наверх, «в гости» к ван Даанам поболтать. Иногда там бывает очень мило. Мы ели «нафталиновый кекс» (коробка с кексом стояла в шкафу, где насыпан нафталин от моли!) и запивали лимонадом.

Разговор зашел о Петере. Я сказала, что иногда он мне ужасно надоедает, а я терпеть не могу мальчишек, которые ко мне цепляются. Тогда они – ох, уж эти родители! – спросили,

³ Подпольная радиостанция.

не хочу ли я подружиться с Петером, потому что я ему очень нравлюсь. Я подумала: «О да!», а сказала: «О нет!» Петер застенчив и неловок, как все мальчишки, которые еще мало дружили с девочками.

«Подпольный комитет» нашего убежища оказался весьма изобретательным. Послушай, что придумали наши мужчины! Они очень хотят, чтобы некий ван Дийк, наш добрый знакомый и главный представитель фирмы «Травис», – кстати, у него спрятано много наших вещей, – чтобы он получил о нас известие. И вот они написали письмо аптекарю в Зюйвш-Фландерн с запросом и вложили туда конверт для ответа. Адрес на конверте – то есть адрес фирмы – папа написал своей рукой. Когда это письмо вернется в контору, там вынут ответ аптекаря, вложат туда письмо, написанное рукой отца, и таким образом ван Дийк получит весточку от папы. Выбрали Зееланд, потому что это рядом с бельгийской границей и письмо туда легко переправить.

Анна.

Воскресенье, 21 сентября 1942 г.

Милая Китти!

Поссорилась с мамой, в который уж раз за последнее время! Мы с ней совсем друг друга не понимаем, да и с Марго тоже. Конечно, в нашей семье никогда не дойдет до таких сцен, как наверху, но все-таки мне наши отношения очень не нравятся. У меня совершенно другой характер, чем у мамы и Марго. Иногда я понимаю своих подруг куда лучше, чем собственную мать. Как это обидно!

Фру ван Даан опять не поймешь. Она старается прятать под замок все больше вещей из тех, которые нужны в общем хозяйстве. Надо, чтобы мама платила ей той же монетой!

Очевидно, некоторым родителям доставляет особенное удовольствие воспитывать не только своих детей, но и детей своих знакомых. Ван Дааны именно такие. Марго воспитывать нечего: она – сама доброта, ум, сердечность. Но того, что у нее есть в избытке, мне явно не хватает! Сколько раз во время еды на меня сыпались замечания и я не могла удержаться от вызывающих, а иногда и дерзких ответов. Отец и мама всегда на моей стороне, без них я просто пропала бы! Но как эти «верхние» мне ни внушают, что я не должна так много разговаривать и во все вмешиваться и что я веду себя нескромно, все равно я опять совершаю те же проступки. Если бы отец не был так терпелив со мной, я давно потеряла бы надежду исправиться. И вообще то, чего от меня хотят мои родители, выполнить совсем не трудно.

Но когда я беру мало моркови – я ее терпеть не могу, – а картофеля кладу себе побольше, ван Дааны начинают злиться на такую «избалованность».

«Возьми-ка еще морковки!» – говорит фру ван Даан.

«Нет, спасибо, мне хочется только картошки».

«Морковь очень полезна, твоя мама тоже так считает, – не унимается она. – Возьми еще!» – И она ко мне пристает, пока папа не вмешивается и не прекращает разговор.

«Вам бы жить у нас дома! – вспыхивает она. – Там никогда этого не допускали! Что это за воспитание! Вы вконец избаловали Анну. Была бы она моей дочерью...»

Поток упреков всегда кончается этими словами. Какое счастье, что я не ее дочь!

Еще на тему о воспитании. Вчера, когда наконец стало тихо и фру ван Даан прекратила свое словоизвержение, ей ответил отец:

«Я считаю, что Анна неплохо воспитана. Видите, она даже поняла, что лучше не отвечать на ваши пространственные речи. А что касается моркови, то тут я только могу сказать: «Vice versa!»⁴

⁴ Наоборот (лат.).

Этим он ее окончательно добил: «vice versa» относилось к тому, что она сама ест слишком мало овощей. Она оправдывается тем, что много овощей на ночь вредят ее здоровью. Пусть бы только оставила меня в покое! Смешно смотреть, как фру ван Даан легко краснеет. А со мной этого не бывает, и она злится еще больше!

Анна.

Понедельник, 28 сентября 1942 г.

Милая Китти!

Вчера я далеко не все написала, но пришлось оторваться. Должна рассказать тебе еще об одной ссоре, но сначала скажу тебе, до чего противно и не понятно, когда взрослые так часто, сразу начинают ссориться из-за самых ничтожных пустяков. До сих пор я думала, что ссорятся только дети, а у взрослых этого не бывает. Конечно, иногда есть причины для настоящего скандала. Но эти вечные препирательства просто невозможно вынести. В сущности, пора привыкнуть, что ссоры у них – самое обычное дело. Но привыкнуть трудно, когда эти «дискуссии» – так здесь именуют скандалы – вертятся вокруг моей персоны. Тут от меня просто клочья летят: мое поведение; мой характер, мои манеры все критикуют, огоривают и обсуждают! Никогда я не слыхала ни злых слов, ни окриков, а теперь все приходится выслушивать. Нет, не могу! И не подумаю им все спускать! Я им покажу, что Анна Франк не вчера родилась! Может быть, они сообразят и заткн... Их надо воспитывать, а не меня! Каждый раз я просто немею от такой грубости и глупости. (Это я про фру ван Даан.) Но я притерплюсь и тогда выскажу ей все начистоту! Неужели я и вправду такая невоспитанная, любопытная, пристающая, глупая и ленивая, как эти «верхние» утверждают? Я отлично знаю, что у меня много недостатков и слабостей, но эти «верхние» все же невероятно преувеличивают.

Если бы ты знала, Китти, как я киплю от их вечных перебранок! Во мне накопилось столько злости, что она когда-нибудь прорвется!

Может быть, я тебе уже надоела, но все-таки расскажу еще об одном интересном разговоре за столом. Речь шла об исключительной скромности Пима (это ласкательное прозвище папы). Тут никто, даже самый тупой дурак, спорить не станет, настолько всем это ясно. И вдруг фру ван Даан, которая всегда все переносит на себя, заявляет: «Я тоже человек очень скромный, гораздо скромнее моего мужа».

Господин ван Даан хотел смягчить ее замечание и очень спокойно сказал:

«А я и не стремлюсь к излишней скромности, я считаю, что люди решительные гораздо больше преуспевают в жизни».

И, обращаясь ко мне, добавил:

«Не будь чересчур скромной, Анна, и добьешься гораздо большего!»

Мама с ним согласилась, но фру ван Даан обязательно должна была влить ложку дегтя и, обратившись не ко мне, а к моим родителям, заявила:

«Как вы разговариваете с Анной? В жизни ничего подобного не видела, меня в детстве не так воспитывали! Впрочем, и теперь нигде не встретишь таких отношений, разве только в вашем ультрасовременном семействе!»

Это был намек на мамины педагогические взгляды, о которых они часто спорят. При этом она вся покраснела как рак, а когда теряешь выдержку, то тебя всегда переспорят.

Мама спокойно, как всегда, хотела прекратить «дискуссию» и сказала: «Видите ли, фру ван Даан, я тоже считаю, что излишняя скромность вредна. Мой муж, Марго и Петер в самом деле чересчур скромны, но ваш муж и вы, Анна и я, мы хоть не совсем лишены скромности, но нам пальца в рот не клади!»

«Но я-то очень скромна, фру Франк! Как вы можете называть меня нескромной?»

Мама: «Нет, я не говорю, что вы совершенно лишены скромности, но и нельзя вас назвать чересчур скромным человеком...»

Фру ван Даан: «Интересно, когда же это я вела себя нескромно? Если бы я тут о себе не заботилась, я бы, наверно, умерла с голоду. Да, я не уступаю вашему мужу, скромности у меня не меньше!»

При этом самовосхвалении мама не могла удержаться от смеха, а эта «бедняжка» так рассердилась, что уже не могла остановиться и все говорила, говорила, потом потеряла нить, запуталась в собственном красноречии, обиженно встала и собралась уходить. Но вдруг посмотрела в мою сторону. К несчастью, когда она повернулась ко мне спиной, я насмешливо и соболезнующе покачала головой, скорее нечаянно, чем нарочно. Она не ушла, разоралась противно и грубо, как старая толстая торговка! Смотреть на нее было сплошное удовольствие! Если бы я умела рисовать, я бы ее увековечила, эту смешную, ничтожную особу!

Могу тебе сказать одно: если хочешь как следует узнать человека, надо хоть раз с ним поспориться. Тогда только и можно судить о нем.

Анна.

Вторник, 29 сентября 1942 г.

Милая Китти!

У нас всегда найдется о чем рассказать. Так как тут нет ванны, мы моемся в корыте, а в конторе (я так называю весь нижний этаж) есть горячая вода, и мы, все семеро, ходим туда по очереди. Все мы люди разные, и так как один стесняется больше, чем другой, то каждый выбирает себе место для мытья по своему вкусу. Петер моется на кухне, хотя там стеклянные двери. До мытья он всем сообщает о своем намерении и просит полчаса не входить на кухню. Его отец моется у себя наверху. Он не считает за труд тащить наверх горячую воду, лишь бы удобно устроиться в своей комнате. Фру ван Даан еще ни разу не купалась. Она сначала хочет выяснить, какое место окажется самым удобным. Папа моется в кабинете, мама – на кухне, за печкой. Мы с Марго выбрали большую контору – там у нас «ванная». По субботам к вечеру там опускают темные шторы и мы моемся в полутьме. Одна из нас моется, а другая в это время смотрит сквозь щелку на улицу, и мы часто хохочем над ужимками прохожих. Но с прошлой недели мне эта «ванная» перестала нравиться и я начала искать более комфортабельное помещение. Петеру пришла в голову блестящая мысль: он предложил мне взять все купальные принадлежности и запереться в большой уборной нижнего этажа – она примыкает к конторе. Там я могу закрыться, включить свет и сама вылить воду после мытья. Сегодня я обновила свою «ванную» и очень довольна.

Вчера в дом пришел водопроводчик, чтобы утеплить трубы в нижнем коридоре, они ведут к нашему водопроводу и в нашу уборную. Это было необходимо, чтобы трубы не замерзли, если зима окажется холодной. Посещение это не из приятных. Нельзя было не только брать воду, но и пользоваться уборной. Может быть, неприлично рассказывать тебе, как мы устроились? Но я не такая уж стеснительная, чтобы молчать о таких вещах. Мы с папой заранее все обдумали и припасли для всех баночки. Теперь мы ими воспользовались и, как это ни плохо, оставили стоять в углу. Но это еще что – гораздо труднее сидеть целый день молча, не раскрывая рта. Особенно для такой трещотки, как я, это невыносимо трудно. Мы и так всегда разговариваем шепотом. Но совсем молчать и весь день сидеть неподвижно, боясь пошелохнуться, еще во сто раз хуже! Мой задик совсем онемел, я его так отсидела, что потом он болел три дня!

Вечером делала гимнастику – помогло!

Анна.

Четверг, 1 октября 1942 г.

Милая Китти!

Вчера я страшно перепугалась. В восемь часов раздался звонок, и я вообразила самое ужасное – ты понимаешь, о чем я говорю. Но все стали уверять меня, что это уличные мальчишки, и я постепенно успокоилась.

Дни проходят спокойно. Внизу, на кухне, работает г-н Левен, он фармацевт и ставит химические опыты для фирмы. Он знает весь дом, и мы иногда боимся, как бы ему не пришлось в голову пойти в прежнюю лабораторию. Мы ведем себя страшно тихо. Кто бы мог сказать три месяца назад, что Анна, эта непоседа, будет подолгу сидеть не двигаясь и молчать как рыба?

29-го был день рождения фру ван Даан. Отпраздновали скромно. Ей подарили цветы, разные мелочи и к обеду кое-что добавили. У них дома обычай – муж всегда дарит ей красные гвоздики. Кстати, о фру ван Даан: меня дико злят ее вечные попытки заигрывать с моим папой. Она всегда норовит погладить его по щеке или по голове, нарочно выставляет свои «хорошенькие» ножки, пытается острить, вообще при всяком удобном случае привлекать внимание Пима. Но Пиму она вовсе не кажется ни хорошенькой, ни милой, и он равнодушен к ее заигрываниям. Я ничуть не ревную, просто мне это невыносимо. Я ей и в лицо сказала, что мама небось не кокетничает с ее мужем.

Петер иногда бывает очень забавный. У нас есть общая страсть, и нам бывает прескучно: мы оба любим всякие переодевания. Вчера он нарядился в платье своей матери, которое его обтягивало, на голове у него красовалась дамская шляпка. А я надела его костюм и фуражку.

Взрослые смеялись до упаду, и нам тоже было ужасно весело.

Элли купила мне и Марго юбки в универмаге, материал очень плохой и дорогой. Но зато нас ожидает очень приятное занятие: она подписалась на заочные курсы стенографии для меня, Марго и Петера. К будущему году мы будем блестяще знать стенографию. Неплохо знать такую «тайнопись»!

Анна.

Суббота, 3 октября 1942 г.

Милая Китти!

Вчера опять разыгрался жуткий скандал. Мама рассказала папочке все мои прегрешения – и в страшно преувеличенном виде. Она плакала, я, конечно, тоже ревела, и у меня отчаянно разболелась голова. А папе я сказала, что люблю его больше всех. Пим говорит, что потом все изменится, но я не верю. Мне приходится делать усилия, чтобы спокойно разговаривать с мамой. Отец хочет, чтобы я за ней ухаживала, когда она плохо себя чувствует, а я все равно ничего не делаю.

Прилежно занимаюсь французским и читаю «Прекрасную нивернезку»⁵.

Анна.

Пятница, 9 октября 1942 г.

Милая Китти!

Сегодня у меня очень печальные и тяжелые вести. Многих евреев – наших друзей и знакомых арестовали. Гестапо обходится с ними ужасно. Их грузят в теплушки и отправляют в еврейский концлагерь Вестерборк. Это – страшное место. На тысячи человек не хватает ни умывалок, ни уборных. Говорят, что в бараках все спят вповалку: мужчины, женщины, дети. Убежать невозможно. Заключенных из лагеря сразу узнают по бритым головам, а многих и по типично еврейской внешности.

⁵ Роман французского писателя А. Додэ.

Если уж тут, в Голландии, так страшно, то какой ужас ждет их там, куда их высылают! Английское радио передает, что их ждут газовые камеры, и, может быть, это еще самый быстрый способ уничтожения. Мип рассказывает ужасные случаи, она сама в страшном волнении. Недавно ночью на пороге у Мип сидела хромая старуха. Она ждала машину гестапо, которая собирает всех подряд. Старуха дрожала от страха. Зенитки гремели, лучи прожекторов шарили в темноте, эхо от грохота английских самолетов перекашивалось среди домов. Но Мип не решалась взять старуху к себе. Немцы за это карают очень сурово.

Элли тоже стала тихой и грустной. Ее друга отправили в Германию на принудительные работы. Она боится, чтобы его не убило при бомбежке. Английские летчики сбрасывают тонны бомб. Я считаю, что дурацкие шутки, вроде: «Ну, вся тонна на него не свалится!» или «Одной бомбы тоже хватит!» – очень бестактны и глупы. И не только Дирк попал в беду, далеко нет. Каждый день увозят молодежь на принудительные работы. Некоторым удастся удрать по дороге или скрыться заранее, но таких очень мало.

Моя печальная повесть еще не кончена. Знаешь ли ты, что такое заложники? Тут немцы придумали самую утонченную пытку. Это страшнее всего. Хватают без разбора ни в чем не повинных людей и держат в тюрьме. Если где-нибудь обнаруживают «саботаж» и виновника не находят, то имеется повод расстрелять нескольких заложников. И потом в газетах появляются предостережения. Что за народ эти немцы! И я тоже когда-то принадлежала к ним. Но Гитлер давно объявил нас лишенными гражданства. Да, большей вражды, чем между *такими* немцами и евреями, нигде на свете нет!

Анна.

Пятница, 16 октября 1942 г.

Милая Китти!

У меня очень много дел. Только что перевела главу из «Прекрасной нивернезки» и выписала все незнакомые слова, потом решила труднейшую задачу и выучила три страницы французской грамматики. Задач я не люблю и часто откладываю их. Но папа тоже решает задачи с трудом, иногда у меня даже получается лучше, чем у него, но вообще мы оба не умеем их решать и приходится звать на помощь Марго. Зато по стенографии я успела больше всех. Вчера дочитала «Завоевателей», очень хорошая книжка, но не сравнить с «Юптер-Хель». Я тебе уже говорила, что считаю Цисси фон Марксвельд блестящей писательницей. Мои дети обязательно должны будут прочесть все ее книжки. Папа дал мне пьесы Кернера: «Кузен из Бремена», «Гувернантку», «Зеленое домино». Хороший писатель.

Мама, Марго и я опять живем дружно, и, по-моему, это самое лучшее. Вчера вечером Марго лежала со мной на кровати. Нам было ужасно тесно, но зато так уютнее. Она спросила – можно ли ей прочесть мой дневник. Я сказала: «Некоторые места можно», а потом спросила про ее дневник. Она обещала мне его дать. Потом разговаривали о будущем, и я спросила, кем она хочет быть. Но она держит это в полной тайне. Я-то слыхала, что она хочет стать учительницей, и, кажется, так оно и есть. Впрочем, не буду выпытывать.

Сегодня утром я прогнала Петера с его кровати и разлеглась на ней. Он рассвирепел, а я и внимания не обратила. В сущности он мог бы быть со мной любезнее: я ему еще вчера вечером дала яблоко.

Я спросила Марго, считает ли она меня некрасивой, и она сказала, что я смешная, но у меня красивые глаза. Не очень-то определенный ответ, как по-твоему?

Ну, до следующего раза!

Анна.

Вторник, 20 октября 1942 г.

Милая Китти!

Нас опять так напугали, что у меня еще дрожат руки, хотя прошло уже два часа. В доме есть пять огнетушителей «Минимакс». Нас никто не предупредил, что их придут заряжать. И мы, конечно, вели себя не очень осторожно, пока я вдруг не услышала стук молотка в прихожей. Я думала, что это плотник, и сказала Элли, которая обедала с нами наверху, что ей сейчас нельзя идти вниз. Мы с отцом стали поочередно слушать у дверей, когда этот человек уйдет. После того как он поработал с четверть часа, он, как нам показалось, положил инструменты на шкаф и постучал в нашу дверь. Мы оба побелели. Неужели он что-нибудь заметил и решил проверить, что там скрывается? Кажется, так оно и было, потому что к нам все время стучали, дергали дверь, трясли ее и толкали. Я чуть не упала в обморок при одной мысли, что чужой человек вдруг откроет наше замечательное убежище, и мне казалось, что прошел целый век, пока я не услышала голос Коопхойса: «Откройте же, это я!»

Мы сразу открыли. Оказывается, крюк, на который двери запираются изнутри и который посвященные могут открыть и снаружи, зацепился за что-то, и поэтому нас не могли вовремя предупредить о приходе рабочего. Теперь он уже ушел. Но когда Коопхойс хотел зайти за Элли, он не смог открыть вертящуюся дверь и потому так стучал и грохотал. У меня с сердца свалилась гигантская тяжесть! Я представляла себе человека, который вот-вот к нам ворвется, и он все рос, рос и становился непобедимым великаном. Что и говорить, нам повезло: на этот раз все обошлось!

В понедельник было страшно весело. Мип и Хенк ночевали у нас. Мы с Марго на эту ночь «переселились» к папе с мамой, а наши друзья спали у нас в комнатке. Обед удался на славу. Конечно, и тут не обошлось без происшествий. В папиной настольной лампе произошло короткое замыкание, и мы вдруг очутились в темноте. Электрический счетчик, в который вворачивают предохранители, висит в самой глубине склада, и копаться там без света – сомнительное удовольствие. Но, к счастью, нам повезло и за десять минут повреждение было исправлено. Можно было потушить нашу иллюминацию. Утром мы встали рано. Хенку надо было уходить в половине девятого, а нам хотелось спокойно позавтракать. Лило как из ведра, и Мип радовалась, что ей в такую погоду не надо выходить из дому. После того как мы с папой все убрали, я засела зубрить французские глаголы. Потом я читала «Леса поют вечно», чудная книжка, жаль, что я ее скоро кончу.

Через недельку Элли тоже останется у нас ночевать!

Анна.

Четверг, 29 октября 1942 г.

Милая Китти!

Я очень беспокоюсь. Отец заболел. У него высокая температура и красная сыпь, как при кори. Представь себе, мы даже доктора вызвать не можем! Мама заставила его хорошенько пропотеть. Может быть, температура упадет.

Вчера Мип рассказывала, что квартира ван Даанов разграблена немцами. Мы еще ничего не говорили фру ван Даан. В последнее время она ужасно нервничает, а нам совершенно неинтересно часами слушать про роскошный сервиз и дорогую мебель, которая осталась в квартире. Нам ведь тоже пришлось оставить дома все хорошее. Тут жалобы не помогут.

Мне теперь позволяют читать некоторые книги для взрослых, и я сейчас взяла Нико ван Сухтелена «Юность Евы». В сущности, большой разницы между этой книгой и книгами для девочек я не вижу. Конечно, в этой книге иногда женщины продают себя незнакомым мужчинам и за это получают массу денег. Я бы умерла от стыда перед чужим мужчиной. Потом там сказано, что у Евы началось «нездоровье». Мне ужасно хочется, чтобы и у меня началось, я знаю, как это важно.

Отец вытащил из шкафа драмы Шиллера и Гёте и будет нам читать вслух каждый вечер. Мы начали с «Дон-Карлоса». Добрый пример папы заставил маму вручить мне молитвенник. Я из приличия немного почитала. Все это звучит довольно красиво, но мне ничего не дает. И зачем она хочет насильно сделать меня религиозной?

Завтра в первый раз затопят печь. Наверно, будем сидеть в дыму. Камин давным-давно не чищен.

Анна.

Подвижная книжная полка, маскировавшая вход в заднюю половину дома

Повернутая полка, открывавшая лестницу в убежище

*Суббота, 7 ноября 1942 г.
Милая Китти!*

Мама страшно нервничает, и для меня это опасный подводный камень. Случайно ли, что мои родители никогда не бранят Марго, а все валят на мою голову? Вчера, например, Марго читала книгу с чудесными иллюстрациями. Она поднялась наверх и отложила книгу, чтобы потом опять взяться за чтение. Так как мне делать было нечего, я взяла книгу посмотреть картинки. Она вернулась, увидела «свою» книжку у меня в руках, нахмурилась и стала отнимать книгу. А мне хотелось еще немножко посмотреть. Марго рассердилась, и мама сказала: «Книгу читает Марго, отдай ей сейчас же!» Пришел отец, ничего не зная, он тоже решил, что Марго обижают, и сказал: «Посмотрел бы я на тебя, если бы Марго захватила твою книжку!»

Я тут же уступила, отдала книгу и вышла из комнаты – они решили, что я обиделась. Но я не обиделась и не рассердилась, а просто мне стало очень грустно.

Не справедливо, что отец, не узнав, в чем дело, вмешался. Я сама отдала бы книгу Марго во сто раз скорей, если бы родители не вмешались и не стали бы сразу на сторону Марго. Вполне понятно, что за нее заступилась мама. Они всегда стоят друг за дружку. Я так к этому привыкла, что не обращаю внимания, когда мама меня пилит или Марго раздражается. Я их люблю, просто потому что они мама и Марго.

Папа – дело другое. Когда он ставит Марго в пример мне, хвалит все, что она делает, и нежен с ней, у меня внутри что-то ноет. Потому что папа для меня – все на свете! Он мой идеал, я люблю его больше всех! Он сам не сознает, что к Марго он относится не так, как ко мне. Для него Марго – самая умная, самая красивая, самая лучшая. Но я тоже имею право на серьезное отношение. В семье считается, что я ломака и бездельница, и мне всегда вдвойне горько: из-за того, что меня все попрекают, и еще больше оттого, что я не справляюсь с собой. Не нужны мне поверхностные проявления нежности, не нужны и так называемые «душевные разговоры». Я жду от отца того, чего он мне дать не может. Нет, я не ревную его к Марго, не нужна мне ни ее красота, ни ее ум. Я хочу одного: чтобы отец любил меня по-настоящему, глубоко, не только как своего ребенка, но и как человека, как меня, *Анну*.

Я цепляюсь за папу, потому что он один еще поддерживает во мне любовь к семье. Он не понимает, что мне необходимо иногда высказать ему все про маму. Он не хочет слушать о маминых недостатках, избегает всяких разговоров на эту тему. А мне часто невыносимо мамино отношение. Иногда я не могу удержаться и упрекаю ее за пренебрежительное высокомерие, за насмешливость, жестокость. И вовсе я не всегда виновата в наших ссорах.

Вообще я во всем полная противоположность маме, оттого у нас вечно столкновения. Я не берусь судить о ее характере, тут я не судья. Я смотрю на нее только как на мать. Но для меня она не такая мать, какая мне нужна. Приходится быть матерью самой себе. Я совсем от них отделилась, иду своим путем. И, кто знает, куда он меня заведет? Мысленно я представляю себе идеальную мать и жену, но в той, которую я должна называть «матерью», я не вижу ни малейшего сходства с этим идеалом.

Я стараюсь не обращать внимания на мамины недостатки, видеть в ней только одно хорошее и развивать в себе то, чего лишена мама. Но это не всегда удается; и хуже всего, что ни папа, ни мама не хотят понять, чего мне не хватает в жизни, и я за это на них очень обижаюсь. Неужели родители никак не могут справедливо относиться к своим детям?

Иногда я думаю: может быть, бог меня испытывает? Мне надо работать над собой без всякого примера и без всякой помощи, но зато я стану сильной и стойкой.

Кто будет читать когда-нибудь эти письма, кроме меня самой? Кто мне поможет? Мне так нужна помощь, так нужно сочувствие. Часто я падаю духом и никак не могу быть такой, как хочу. Я сознаю это, я каждый день стараюсь начать все снова, исправиться.

Но ко мне так несправедливы! Сегодня меня считают взрослой и мне все можно знать, а на следующий день оказывается, что Анна еще дурочка, младенец, воображает, что все вычитала из книжек, а сама ничего не понимает. Но я не ребенок и не кукла, с которой можно

забавляться. У меня свои идеалы, свои мысли и планы, хотя я их еще не умею выразить словами. Во мне подымается столько сомнений, особенно вечером, когда я одна, а иногда и днем, при всех этих людях, с которыми я заперта, – как они мне надоели! Как надоело, что они не понимают ни моих трудностей, ни меня. И в конце концов я всегда возвращаюсь к своему дневнику. С этого я начинаю, этим кончаю. Китти всегда терпеливо слушает, и я обещаю ей выдержать до конца, справиться со своим горем и найти свою дорогу. Но как бы мне хотелось чего-то добиться, как хочется, чтобы любящая рука меня поддержала и приласкала...

Не осуждай меня! Пойми пожалуйста, что иногда терпение ломается!

Анна.

Понедельник, 9 ноября 1942 г.

Милая Китти!

Вчера был день рождения Петера. Он получил хорошие подарки, среди них очень интересную игру, электрическую бритву и зажигалку, не потому, что он курит, а потому, что это шикарно!

Но самый большой сюрприз нам приготовил г-н ван Даан, сообщив, что англичане высадились в Тунисе, Касабланке, Алжире и Оране!

– Это начало конца! – сказали все.

Но Черчилль, английский премьер-министр, который, наверно, слышал такое же мнение и у себя в Англии, сказал в своей речи:

«Эта высадка чрезвычайно важна, но пусть не думают, что это начало конца. Скорее это конец начала».

Это большая разница, правда? Но все же есть основания надеяться. Огромный русский город Сталинград немцы осаждают уже три месяца, а взять никак не могут.

Возвращаюсь к будничным делам. Когда рассказываешь о нашем убежище, надо хоть раз упомянуть о том, как нас снабжают продуктами. Имей в виду, что наши «верхние» – настоящие обжоры. Хлеб нам поставляют очень славный булочник, знакомый Коопхойса. Конечно, мы получаем меньше, чем прежде, но все же достаточно. Продовольственные карточки нам покупают на черном рынке. Цены на них растут. Сначала платили 27 гульденов, а теперь – 33! За такой клочок бумажки!!!

Чтобы в доме был хоть какой-то запас, кроме консервов, мы купили 270 фунтов сушеного гороху и фасоли, которые висят в мешках в коридоре у самой двери. Но от тяжести на мешках разошлись швы, и было решено этот зимний запас перенести на чердак. Петеру поручили перетащить мешки. Пять из шести мешков благополучно очутились наверху, и Петер как раз взялся за шестой, как вдруг распоролся нижний шов, и ливень, нет, град коричневой фасоли обрушился на лестницу. Внизу в конторе подумали, что старый дом обвалился у них над головой. К счастью, там не было посторонних. Петер перепугался насмерть, но тут же стал оглушительно хохотать, когда увидел меня на нижней ступеньке, всю засыпанную фасолью, – я стояла по щиколотку в фасоли!

Мы стали собирать фасоль, но она такая мелкая и скользкая, что все время проскакивает сквозь пальцы и закатывается во всякие щели и дыры. Теперь всякий, кто проходит по лестнице, всегда подбирает фасолины и относит их наверх, к фру ван Даан.

Чуть не забыла самое главное: папа выздоровел!

Анна.

Постскриптум. Только что по радио передали, что Алжир взят. Марокко, Касабланка и Оран тоже вот уже несколько дней в руках англичан. Скоро должны взять и Тунис.

Вторник, 10 ноября 1942 г.

Милая Китти!

Потрясающая новость! Мы должны принять восьмого «подпольного жителя». Мы часто думали, что тут хватит места и еды еще на одного человека. Нам только не хотелось нагружать Кралера и Коопхойса. Но когда стали все больше и больше рассказывать про ужасные преследования евреев, отец попробовал узнать мнение наших друзей, и они сказали, что это великолепная мысль. «Что семь, что восемь человек – опасность та же», – сказали они и были правы. Тогда мы стали обсуждать, какой из наших одиноких знакомых подойдет к нашему «подпольному» семейству. Найти такого оказалось нетрудно. После того как отец отвел все предложения ван Даанов взять кого-нибудь из их родственников, мы выбрали нашего знакомого, зубного врача, по имени Альберт Дуссель. Его жена уже за границей. Говорят, что он хороший человек, а нам и ван Даанам он очень приятен. Так как Мип хорошо его знает, все устроивается отлично. Когда он приедет, он будет спать у меня в комнате вместо Марго, а она перекочет со своей раскладушкой в комнату родителей.

Анна.

Четверг, 12 ноября 1942

Милая Китти!

Дуссель был просто счастлив, когда Мип ему передала, что нашла для него убежище. Она посоветовала ему прийти к нам как можно раньше, лучше всего послезавтра. Но он не решился, сказал, что ему надо еще привести в порядок свою картотеку, принять двух пациентов и закончить все расчеты. Сегодня утром Мип нам об этом рассказала. Мы считали, что правильнее не затягивать. Вся эта подготовка только потребует объяснений с разными людьми, которым вообще лучше ничего не знать. Мип старалась уговорить этого Дусселя переехать в субботу. Он отказался и приедет только в понедельник. Смешно, что он сразу не ухватился за такое предложение. Вот если его заберут на улице, он не сможет ни картотеку приводить в порядок, ни расчеты заканчивать, ни пациентов принимать. Я считаю, что папа напрасно ему уступил. Других новостей пока нет.

Анна.

Вторник, 17 ноября 1942 г.

Милая Китти!

Дуссель тут. Все сошло благополучно. Мип велела ему прийти к почтамту. Он явился точно. Коопхойс, знавший его в лицо, подошел к нему и сказал, что тот господин, к которому его якобы позвали, приедет позже, а пока что Дусселю придется подождать в конторе у Мип. Коопхойс уехал на трамвае, Дуссель пошел пешком и в половине двенадцатого был уже в конторе. Ему пришлось снять пальто, чтобы не увидели желтую звезду, и ждать в кабинете у Коопхойса, пока не уйдет уборщица. Об этом он, конечно, не знал. Потом Мип увела Дусселя вверх под предлогом, что в кабинете начнется совещание. Перед глазами ошaleвшего Дусселя открылась вертящаяся дверь, и они с Мип проскользнули туда.

Мы все собрались наверху у ван Даанов, чтобы встретить нашего нового жильца кофе и коньяком. Мип привела его в нашу комнату. Он сразу узнал нашу мебель, но ему и в голову не пришло, что мы все так близко. Когда Мип ему об этом сказала, он ничего не мог понять. Она не дала ему опомниться и привела наверх. Дуссель упал на стул, выпучил на нас глаза, словно не веря себе. Потом он начал, заикаясь, бормотать: «Да как же... нет... разве вы не в Бельгии? Значит, офицер не приехал?.. А машина? Значит, бегство сорвалось?..»

И *тут* мы ему рассказали, что сами распространили эти слухи насчет офицера и машины, чтобы обмануть всех, а особенно немцев, если они станут нас искать. Дуссель онемел от такой изобретательности и еще больше удивился, когда ему показали наше хитрое, отлично оборудованное убежище. Мы вместе поели, потом он отдохнул, выпил с нами

чаю и разложил свои пожитки, которые еще раньше принесла Мип. Скоро он совсем освоился, особенно после того, как прочел правила внутреннего распорядка для нашего убежища (сочиненные ван Дааном).

Проспект и путеводитель по убежищу,

специально учрежденному для временного пребывания евреев и им подобных.

Открыто круглый год. Красивая, спокойная, безлесная местность в самом сердце Амстердама. Проезд трамваем № 17 и 13, а также на машинах и велосипедах для тех, кому немцы не запретили пользоваться этими способами передвижения, а кроме того – пешком.

Квартирная плата. Бесплатно.

Обезжиренное диетическое питание.

Проточная вода: в ванной комнате (без ванны), а также, к сожалению, на некоторых стенах.

Просторное помещение для хранения всякого имущества.

Собственная радиостанция: прямая связь с Лондоном, Нью-Йорком, Тель-Авивом и многими другими станциями. К услугам жильцов с шести вечера.

Часы отдыха. С десяти часов вечера до семи тридцати утра, в воскресенье – до десяти утра. При исключительных обстоятельствах часы отдыха могут быть назначены среди дня, по распоряжению управления убежищем. Эти указания выполняются строжайшим образом в целях общей безопасности.

Каникулы. Временно отменяются.

Разговорный язык. Любой язык... только шепотом.

Гимнастика. Ежедневно.

Занятия. Стенография – раз в неделю по часу (письменно). Английский, французский, математика и история в любое время дня.

Часы принятия пищи. Завтрак ежедневно, за исключением воскресных и праздничных дней – ровно в десять.

Обед – с 115 до 145.

Ужин – холодный или горячий – в разное время, а зависимости от передачи последних известий.

Обязательства по отношению к комиссии продовольственного снабжения. Постоянная готовность помочь им в конторской работе!

Гигиенические процедуры: «Ванная» предоставляется в распоряжение всех жильцов по воскресеньям с девяти утра. Купаться можно в уборной, на кухне, в кабинете или в конторе – по выбору.

Спиртные напитки разрешаются только по рецепту врача.

Анна.

Четверг, 19 ноября 1942 г.

Милая Китти!

Как мы и ожидали, Дуссель оказался очень славным человеком. Честно говоря, мне не очень приятно, что посторонний человек пользуется всем в моей комнате, но ради доброго дела можно и потерпеть. «Лишь бы спасти человека, остальное не имеет значения», – говорит отец, и он совершенно прав.

В первый же день Дуссель подробно расспросил меня обо всем, например: когда в конторе бывает уборщица, когда можно пользоваться уборной и где лучше всего мыться. Тебе, Китти, это может быть и смешно, но в убежище все страшно важно. Так как вниз часто приходят люди непосвященные, то мы должны вести себя особенно тихо, когда кто-нибудь есть в конторе, а мы знаем, в какое время бывают посетители. Все это я объяснила Дусселю самым подробным образом и удивилась, до чего он несообразителен, все переспрашивает

по два раза, да и тогда плохо запоминает. Может быть, он еще не опомнился от удивления и все наладится. А вообще все в порядке.

Дуссель подробно рассказывал нам о внешнем мире, от которого мы так давно отрезаны. Все больше про грустные дела. Многие наши друзья и знакомые увезены и в страхе ждут теперь ужасной развязки. Каждый вечер по улицам носятся зеленые и серые военные машины. «Зеленые» – то есть эсэсовцы, и «черные» – голландская фашистская полиция, везде ищут евреев. Стоит им найти хоть *одного*, они забирают всех в доме. Они звонят в каждый дом и, если никого не находят, идут в следующий. Часто у них в руках именные списки и они забирают всех по этим спискам. Никто не может избежать этой судьбы, если вовремя не скроется. Иногда они берут выкуп. Они отлично знают материальное положение своих жертв.

Как это похоже на охоту за рабами в старое время! Я часто вижу перед собой эту картину: толпы хороших, ни в чем не повинных людей с плачущими детьми, ими командуют несколько отвратительных негодяев, бьют их, мучают и гонят вперед, пока они не падают от усталости. Никому нет пощады. Старики, грудные дети, беременные женщины, больные, калеки... всех, всех гонят в этот смертный путь!

А тут нам так хорошо, так тихо и спокойно! Нас не касается этот ужас, но мы вечно в тревоге и страхе за всех, кто нам дорог, за всех, кому нельзя помочь.

Мне бывает совсем скверно, когда я лежу в теплой постели, а мои лучшие подруги в это время, может быть, на ветру, на холоде, бесконечно страдают, а многие, наверно, погибли. Мне становится жутко, когда я вспоминаю, что те, с кем я была связана самой тесной дружбой, теперь отданы в руки свирепых палачей, каких еще не знала история. И только за то, что они евреи!

Анна.

Пятница, 20 ноября 1942 г.

Милая Китти!

Собственно говоря, мы растерялись. Раньше к нам доходило мало сведений о судьбе знакомых. Может быть, и лучше, что мы ничего не знали точно. Когда Мип рассказывала какой-нибудь страшный случай про наших друзей, мама и фру ван Даан начинали плакать, так что Мип совсем перестала рассказывать. Но Дусселя все засыпали вопросами, и он рассказал столько всяких ужасов и страхов, что невозможно выдержать. Неужели мы опять будем смеяться и беззаботно веселиться, когда потускнеют эти впечатления? Но никакой пользы ни себе, ни тем, кто остался, мы не принесем, если все время станем горевать и превратим наше убежище в кладбище. И все же, что бы я ни делала, я всегда думаю о тех, кого увезли. Стоит мне рассмеяться – и я пугаюсь и говорю себе, что нехорошо быть веселой. Неужели надо весь день грустить? Не могу я так, это подавленное состояние должно пройти.

Рядом с этими грустными делами у меня свои личные неприятности, правда, по сравнению с огромным несчастьем, о котором я только что писала, они кажутся мелкими. Но должна тебе сказать, что в последнее время я ужасно одинока! Во мне какая-то ужасная пустота. Раньше я об этом не думала. Развлечения, друзья занимали все мои мысли. А теперь меня мучают сложные вопросы. И я поняла, что даже отец, как бы я его ни любила, не может заменить мне весь мой прежний мир.

Наверно, я, по-твоему, неблагодарное существо, Китти? Но иногда мне кажется, что я не выдержу: слышать все эти ужасы, переживать собственные трудности да еще быть для всех козлом отпущения!

Анна.

Суббота, 25 ноября 1942 г.

Милая Китти!

Мы жгли слишком много электричества и перерасходовали наш лимит. Теперь надо чрезвычайно экономить. Иначе могут отключить ток – и мы будем сидеть без света две недели. С четырех или с половины пятого нам нельзя читать. Мы коротаем время во всяких развлечениях: загадываем загадки, делаем в темноте гимнастику, разговариваем по-английски или по-французски, пересказываем прочитанные книги... Но в конце концов все надоест. Теперь я нашла новое развлечение: смотреть в полевой бинокль в яркоосвещенные окна соседей! Днем нам нельзя раздвигать занавески ни на сантиметр, но вечером это не так опасно. Никогда я не думала, что наблюдать за соседями так интересно! Я видела, как одна семья обедала, другая смотрела кинофильм, а зубной врач напротив лечил какую-то нервную старую даму.

Кстати, о зубных врачах! Дуссель, про которого все говорили, что он замечательно умеет обращаться с детьми и очень их любит, оказался совершенно ветхозаветным человеком и вечно читает длинные проповеди насчет хороших манер и поведения. Как известно, я имею сомнительное «счастье» жить в одной комнате с «его светлостью», и так как я считаю себя самой невоспитанной из всей нашей молодой тройки, то мне очень трудно избавиться от непрерывных попреков и наставлений, разве что притвориться глухой. Но это еще ничего, не будь он таким ябедой и не бегай он каждую секунду с доносами – да еще к маме! Только я успеваю получить от него хорошую порцию, как приходит мама и добавляет масла в огонь, а если мне особенно везет, то через пять минут меня вызывает фру ван Даан и тоже начинает брюзжать.

Да, Китти, не так-то легко быть дурно воспитанной и притом главным объектом – читай: громоотводом! – для вечных попреков и наставлений нашего критически настроенного семейства.

Вечером в постели, когда я думаю обо всех грехах и проступках, которые мне приписывают, у меня в голове начинается такая неразбериха от этих жалоб, что я начинаю плакать, а иногда – смотря по настроению – хохотать. И я засыпаю со всякими дикими фантазиями: что надо стать не такой, как мне хочется, или что я и сейчас не такая, какой хотелось быть, и что все надо делать не так, как я хочу. Я хочу стать другой, чем я есть, потому что я не такая, какой мне хотелось бы быть...

Ну вот, я и тебя запутала! Не сердись! Но вычеркивать я ничего не стану, раз это уж написано черным по белому, а вырывать листок тоже нельзя – при теперешнем недостатке бумаги это просто грех! Могу только посоветовать тебе – не читай последние строчки и не старайся в них разобраться, не то так запутаешься, что потом и не выберешься!

Анна.

Понедельник, 7 декабря 1942 г.

Милая Китти!

В этом году ханука⁶ и день св. Николая⁷ почти совпадают. В день хануки мы только зажгли свечи и то всего на десять минут, так как их не достать. Все-таки, когда все запели, было очень торжественно! Господин ван Даан смастерил очень красивый деревянный подсвечник.

Но день св. Николая, в субботу, мы отпраздновали еще лучше! Нам было очень любопытно, о чем Элли и Мип все время шептались с папой, когда приходили к нам наверх: мы чувствовали, что они что-то затевают. И, правда, в восемь часов мы все спустились по лестнице вниз в проходную комнату; мне было так жутко, что я все время думала – хоть бы вер-

⁶ Ханука – еврейский праздник.

⁷ День св. Николая – 6 декабря – национальный праздник в Голландии.

нуться живой! Так как в этой комнатке нет окон, то можно было зажечь свет. Отец открыл стеной шкаф, и все закричали: «Ах, как красиво!» Там стояла огромная корзина, прелестно убранная цветной бумагой и украшенная символической маской «Черного Петера». Когда мы благополучно внесли корзину наверх, каждый нашел для себя подарок с надписью в стихах. Ты сама знаешь, какие стишки пишутся на такой случай, и я их повторять не буду. Я получила большую пряничную куклу, отец – подставки для книг, мама – календарь, фру ван Даан – мешочек для пыльных тряпок, господин ван Даан – пепельницу. Словом, для всех придумали что-нибудь приятное, а так как мы никогда еще не праздновали день св. Николая, то сочли «премьеру» весьма удачной!

Конечно, для наших друзей «снизу» мы тоже приготовили подарки из того, что осталось от доброго старого времени. Сегодня нам сказали, что г-н Воссен сам сделал книжные подставки для папы и пепельницу для ван Даана. Как изумительно, что кто-то может своими руками делать такие художественные вещи!

Анна.

Четверг, 10 декабря 1942 г.

Милая Китти!

Ван Даан ведал мясным, колбасным и бакалейным отделами фирмы. Его пригласили как выдающегося специалиста. И теперь, к нашей общей радости, он проявил себя с «колбасной» стороны.

Мы заказали много мяса для колбас (конечно, на черном рынке!), чтобы иметь запас на случай голода. Очень занятно смотреть, как мясо сначала пропускают через машинку, раза два-три, потом смешивают со всякими специями и, наконец, наполняют этой массой кишки. Уже за обедом мы ели жареную колбасу с капустой! Но копченую колбасу надо сначала хорошенько просушить, поэтому ее подвесили на веревочках к палке под потолком. Все, кто входит в комнату и видит висящие колбасы, начинает хохотать – они так смешно болтаются!

В комнате был чудовищный беспорядок. Ван Даан возился с мясом, он повязал фартук своей жены и казался даже толще, чем на самом деле. Он был похож на настоящего мясника – руки в крови, лицо потное, красное, фартук в пятнах. А фру ван Даан, как всегда, хочет делать все сразу: учить голландские слова, мешать суп, смотреть за мясом и при всем при этом стонать, что у нее сломано ребро. Вот что случается, когда тщеславные пожилые(!!!) дамы делают рискованные гимнастические упражнения, чтобы согнать жир с толстого зада!

У Дусселя воспалился глаз, он сидел у печки и клал компрессы. Папа сидел у окна, его освещал тонкий луч солнца. Наверно, у него опять приступ ревматизма, он как-то весь согнулся и с несчастным видом смотрел, как ван Даан работает. Петер носился по комнате с котом, по имени Муши. Мама, Марго и я чистили картошку. Но мы это делали механически, потому что как зачарованные следили за работой ван Даана.

Дуссель возобновил свою зубоврачебную практику. И ты будешь иметь удовольствие услышать о его первом приеме. Мама гладила белье, и фру ван Даан решила стать первой пациенткой. Она уселась на стул посреди комнаты, а Дуссель важно и медленно стал раскладывать инструменты. Он попросил одеколону для дезинфекции и вазелину вместо воску. Потом он заглянул в рот к ван Даанше и стал стучать и ковырять у нее в коренном зубе, причем фру ван Даан все время вздрагивала, как будто от невыносимой боли, и испускала нечленораздельные звуки. После длительного обследования – так ей казалось, хотя прошло всего минуты две, – Дуссель хотел вычистить ей дупло. Но об этом и думать было нечего! Фру ван Даан отбивалась руками и ногами, так что Дусселю пришлось выпустить из рук крючок, которым он чистил дупло, и крючок застрял в зубе. Тут началось черт знает что! Мадам металась, хотя ей мешал крючок в зубе, пробовала его вытащить и еще глубже всаживала в зуб. Дуссель стоял перед ней совершенно спокойно, уперев руки в боки, и смот-

рел на этот цирк. Все остальные зрители хохотали. Это, конечно, было низко: наверно, я бы орала не меньше.

После страшных усилий, стонов и охов фру ван Даан наконец вытащила крючок, и Дуссель как ни в чем не бывало снова взялся за работу. Он работал так быстро, что его пациентка больше ничего не успела выкинуть. Но у него никогда не бывало столько помощников! Ван Даан и я фигурировали в качестве ассистентов, и, наверно, у всех нас был такой вид, словно мы сошли со средневековой картины «Шарлатаны за работой». Но наконец терпение пациентки истощилось. Она сказала, что ей нужно смотреть за супом и за обедом.

Одно можно сказать наверняка: к зубному врачу она обратится не так скоро!

Анна.

Воскресенье, 13 декабря 1942 г.

Милая Китти!

Уютно сижу у окна в большой конторе и наблюдаю в щелку, сквозь толстые занавеси, что делается на улице. Уже сумерки, но света достаточно, чтобы тебе писать.

Странно смотреть, как люди бегут по улице. Кажется, что они ужасно торопятся куда-то и спотыкаются о собственные ноги. Велосипедисты так гонят, что трудно различить, кто сидит в седле – мужчина или женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.